

ВИКТОРИЯ БОГАЧЁВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

КОРОЛЕВА

СЕВЕРНЫХ ЗЕМЕЛЬ

Виктория Богачева
Королева северных земель
Серия «Ладожское княжество», книга 3

<https://litres.ru/74349877>

SelfPub; 2026

Аннотация

Север кипит.

Правители готовятся к войне, старые союзы трещат, враги поднимают головы.

Конунг Рагнар привык брать своё железом и огнём. Рыжая воительница Сигрид не привыкла отступать. Чтобы выжить и выстоять, они должны объединиться, чтобы остановить войну, которая способна разорвать Север на части.

Но как начать доверять, когда любой шаг может обернуться ловушкой?..

Пока боги молчат, люди решают за них.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	24
Глава 4	38
Глава 5	54
Глава 6	65
Глава 7	78
Глава 8	91
Глава 9	108
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Виктория Богачева

Королева северных земель

Глава 1

— Это девка! — крик изумления вырвался у раненого воина, и Рагнар резко обернулся.

Схватка на берегу была в самом разгаре, когда среди грохота щитов и звона мечей вдруг раздался женский голос.

Нет, не крик ужаса, не стон пленницы. Это был боевой рёв, полный гремучей ярости.

Она.

Рыжая, с растрёпанной косой, в доспехе, раскроенном в трёх местах, с мечом, тяжёлым для её руки, но поднятым высоко.

Снежинки падали на её волосы и таяли, будто в огне.

Тёмно-синие глаза сверкали, напоминая зимнее море в шторм. На щеках алели пятна крови, губы были разбиты, но это не уродовало её. Напротив: делало прекрасной и страшной, как сама северная зима.

Она рубила так, словно смерть шла рядом с ней.

Сначала Рагнар решил, что ему померещилось. Но в следующую секунду она обрушила на землю мужчину, который осмелился назвать её девчонкой.

— Девка, а дерётся, как берсерк, — прошипел кто-то из его воинов.

— Валькирия! — восхитился второй.

Рагнар замер, присматриваясь. Он видел много битв, но никогда не видел, чтобы женщина сражалась так. Ни страха, ни милости — только пламя и сталь.

И красота, обжигающая сильнее огня.

Его воины сомкнули кольцо. Меч в руках рыжей девки дрожал от усталости, дыхание сбивалось, но глаза... Глаза горели.

И Рагнар шагнул вперёд, вскинул руку, останавливая своих людей, которые окружили девчонку.

— Опusti меч и склонись, — велел он, глядя ей в лицо.

Она усмехнулась, и в этой усмешке было больше яда, чем в змее.

— Отруби мне голову, но не жди покорности.

Тишина. Даже море за их спинами, казалось, застыло. И только редкие снежинки продолжали падать, укрывая землю.

Они стояли друг напротив друга — вождь и рыжая воительница.

Рагнар ухмыльнулся краем губ, наклонил голову.

— Я могу взять тебя силой.

— Попробуй, — она сверкнула дерзким взглядом. — Попробуй, вождь.

Её всё-таки скрутили.

Меч вырвали из рук, запястья связали кожаными ремнями, бросили к ногам Рагнара. Она не умоляла и не просила пощады, только смотрела, и в этом взгляде было столько ненависти, что отводили глаза даже закалённые воины.

— Отнесите на драккар (боевая ладья викингов). Живой,
— коротко сказал Рагнар.

— Живой? — удивился его друг. — Зачем тебе эта бешеная девка?

— Я сказал — живой.

Рыжая воительница хрипло рассмеялась.

— Свяжи меня, хоть в цепи закуй. Я всё равно сбегу.

Утомлённые схваткой мужчины расхохотались.

— Сбежит! — смеялся один. — С драккара да в море?!

— Рыжая ведьма! — поддакнул другой. — Может, птицей улетит?

Рагнар молчал. Смотрел на неё.

И почему-то не усмехался.

Он дёрнул подбородком, и трое его людей подняли рыжую девку на руки и потащили к драккару. Берег был завален пеплом, ветер гнал в сторону моря запах горелых брёвен. Те, на кого они напали, подожгли деревню и отступили вглубь фьорда, оставив небольшой отряд прикрывать бегство.

Его возглавляла рыжая девка.

Рагнар стоял на берегу, и за его спиной возвышались серые скалы, уходящие в облака. Высокий, широкоплечий и

крепкий — сила чувствовалась даже в том, как он двигался. Светлые волосы до плеч были собраны в полукосу. Взгляд прозрачных, серо-синих глаз, был прикован к бескрайнему, северному морю.

Этот набег вышел совсем не таким простым, как пророчили военные советники. И, может статься, это лишь начало.

— Что делать с ещё тремя? — к нему со спины подошёл Хакон: друг детства и преданный соратник.

Кивком тот указал на пленников, валявшихся на берегу, связанных по рукам и ногам.

— Пусть живут. Пока, — огладив короткую щетину на подбородке, ответил Рагнар.

Хакон искоса на него посмотрел и вскинул брови в едва заметном удивлении.

— Нас ждали. Они знали, что мы придём, — нехотя пояснил Рагнар. — Среди нас предатель. И я найду кто.

— Немногие знали о замысле твоего отца.

— Немногие...

— А рыжая тебе зачем? — Хакон повернул к нему жилистое, худое лицо с некрасивым шрамом, что шёл через всю щеку.

В глазах Рагнара что-то вспыхнуло, но быстро исчезло. Злость? Раздражение? Недовольство?..

— Я помню, у конунга (вождь, верховный правитель викингов) Ульва была рыжая дочь.

— Он умер, теперь этими землями правит его сын.

— От рабыни, — скривился Рагнар.

— Думаешь, рыжая девка — дочь вождя?

— Утром узнаем, — он пожал плечами и отвернулся, показав, что разговор окончен.

Но они не узнали.

Рыжую пленницу на ночь оставили на драккаре, привязав сразу к трём скамьям для гребцов. Люди Рагнара заночевали на берегу. Разожгли костры, зажарили пойманных зайцев, согрели медовый напиток с горькими травами... Лагерь сторожили несколько мужчин, на драккаре за пленницей тоже приглядывали двое.

Они же и рухнули ранним утром перед Рагнаром на колени, бледные, как снег.

— Девка исчезла!

— Верёвки привязаны к скамьям, но её нет!

Рагнар смотрел на них, чувствуя, как кипучая злость поднимается в груди. Рука сама потянулась к мечу, отрубить головы двум воинам, не доглядевшим за рыжей воительницей! Его остановил Хакон, сомкнув ладонь на запястье тяжёлой хваткой.

Рагнар оттолкнул его плечом и опалил яростным взглядом. Затем — взбешённый — посмотрел на мужчин, по-прежнему стоящих на коленях в снегу.

— Отыщите её! — голос его был низким, рвущимся сквозь зубы. — Отыщите и верните. Иначе, клянусь Одином, скормлю вас морскому богу!

Глава 2

Волны били в борт лодки, заливая её ледяной водой. Рыжая Сигрид дрожала не от холода — от ярости.

Её выкрали с драккара ночью, когда трое преданных людей подоברались к кораблю. Усыпили дротиками двух недонсков, которых глупый вождь приставил к ней.

Ха!

Словно она изнеженная девчонка, которую способны остановить два жалких северянина.

Сигрид усмехнулась и, болезненно поморщившись, смахнула выступившую на разбитых губах кровь и растёрла запястья, на которых отпечатались следы верёвки. Позади на вёслах сидели спасшие её воины. Они гребли молча и тихо, их лица скрывали плотные капюшоны.

Лодка уходила в глубь фьорда, меж серых скал, откуда ещё тянуло дымом сгоревшей деревни. Над водой стлался утренний туман, а на горизонте занимался рассвет. Солнце рождалось из моря тяжёлым красным кругом, окрашивая ледяные волны багрянцем.

На ближайшей к ней лавке сидел Кнуд. Его широкие плечи двигались в такт вёслам, дыхание было тяжёлым, но ровным. Он поднял голову, почувствовав взгляд Сигрид, и свирепо оскалился. Верный, крепкий Кнуд всегда был рядом, с самого детства. И он громче всех противился, когда её брат

по отцу приказал Сигрид отправиться в давно заброшенную деревню на берегу и дать отпор людям Рагнара, прозванного Морским Волком.

— Быстрее! — зашипел Кнуд на двух других гребцов. — Солнце встаёт, мы должны спешить.

— Они никогда не отыщут нас здесь, — спокойно сказала Сигрид. — Не злись, Медвежонок.

Мужчина напротив неё свирепо тряхнул головой.

— Ты так же говорила, что тебя не схватят!

Его слова заставили её отшатнуться и яростно втянуть носом воздух.

— А в их лапах осталось ещё трое наших, — добавил Кнуд уже тише.

— Они исполняли приказ своего вождя, — жёстко отрезала Сигрид. — Как и я.

— Фроди не настоящий конунг. После смерти вашего отца ты должна была нас возглавить, — Кнуд презрительно скривился.

Воительница зашипела на него, оглянувшись на двух гребцов и надеясь, что те не слышали крамольные речи.

— Во имя Одина! Думай, что несёшь! Договоришься и тебе отрежут язык.

— Я думаю, — упрямо буркнул Кнуд. — И я, и половина мужей, что носили за твоим отцом меч. Фроди не достоин быть конунгом, и...

Не выдержав, Сигрид взвилась в лодке, отчего та едва не

перевернулась, и ладонью зажала ему рот. Её тёмно-синие глаза сейчас пылали, а рыжие волосы, в которых запуталось восходящее солнце, напоминали пламя.

— Тихо! — нахмурилась она. — Ты погубишь всех нас, Медвежонок.

— Он тебя и к Рагнару Морскому Волку отправил, чтоб ты нашла там свою погибель, — по-прежнему непримиримо, но уже едва слышным шёпотом добавил Кнуд.

Сигрид вновь болезненно поморщилась и тыльной стороной ладони коснулась разбитых губ. Накануне она воочию убедилась, что Рагнара не напрасно прозвали Морским Волком. Они знали, что его драккары придут в ту бухту, ждали нападения, притаились среди развалин, но он всё равно смог застать их врасплох.

Стыдно признаться!

Его высматривали самые зоркие глаза на всём Севере, но хищные носы драккаров, которых твёрдой рукой вёл Рагнар, показались из тумана неожиданно и резко.

Сигрид корила себя за то, что растерялась.

Пусть и на миг, но даже миг — позор и стыд для воительницы.

А потом её скрутили, связали и бросили к ногам Морского Волка, как добычу, как безропотную рабыню! Унизительно... Она уже приготовилась к смерти.

И всё же... он её не убил.

Сигрид старалась гнать эту мысль прочь, но она возвра-

щалась, как море возвращает волны к берегу.

Рагнар мог проломить ей череп одним ударом — и не сделал этого.

Глупец!

Она бы не упустила его, попадись ей в руки человек, принёсший на их земли столько горя!

Наконец, лодка ткнулась носом в камни. Кнуд и ещё двое воинов выпрыгнули первыми, потащили её на берег.

Каждое движение давалось Сигрид трудом, все же ее изрядно потрепали в битве. Она поднялась, шатаясь, и только тогда заметила тени, выстроившиеся вдоль линии скал.

Её встречали.

Соплеменники стояли молча, угрюмо, и первым вперёд шагнул её брат по отцу, новый конунг Фроди.

Лицо его было мрачным, губы сжаты в тонкую линию.

— Ты подвела меня, Сигрид, — сказал он глухо.

Слова брата хлестнули наотмашь.

Сигрид вскинула взгляд: Фроди смотрел на неё, холодно прищурившись. На нём был тёмный плащ с серебряной фибулой, в руках он держал копьё с резным наконечником — символ власти, оставшийся от отца. Его взгляд был тяжёлым, и Сигрид почувствовала, как он давит на неё.

Он был похож на их отца, её брат, рождённый от рабыни. Гораздо больше, чем дочь от жены. Может, потому конунг Ульв и назначил правителем его, а не её?..

Пять седмиц (недель) прошло с гибели отца, и Сигрид

немало размышляла о его решении. Она не пыталась пойти против его воли. Приняла брата как нового вождя и подчинялась ему, почти не спорила... Только когда заканчивались силы молчать.

Теперь он упрекал её, и был прав.

Она, Сигрид Гордая, и впрямь подвела Фроди. И не только его: их людей. Они хотели заманить Рагнара в ловушку на берегу, но сами оказались наживкой.

Проклятый Морской Волк...

Сигрид выпрямилась. Кнуд стоял рядом, на полшага позади, и она ощущала, как его плечи дрожат от напряжения.

— Я исполнила твой приказ, — сказала она, смотря брату в глаза. — Мы устроили засаду. Ждали Морского Волка там, где ты велел, но...

— Что «но»? — Фроди подался вперёд.

Он говорил громко, так, чтобы все слышали.

— Но он сумел подойти к берегу скрытно, — сквозь зубы процедила Сигрид. — И застал нас врасплох.

— По твоей вине... — печально кивнул Фроди.

— Я сделала что могла... мы сражались! Я стояла до конца. Это видели многие!

— Видели, — согласился брат, но губы его остались сжаты в тонкую линию. — Видели, как тебя скрутили и утащили на драккар.

Сигрид вспыхнула, но Фроди поднял руку, не дав ей ответить.

И в этот миг шагнул вперёд Кнуд. Его глаза метали искры, а кулаки дрожали от сдерживаемой ярости.

— Ложь! — рявкнул он. — Она билась, как никто! Её связали только потому, что нас было слишком мало против Рагнара и его псов.

Фроди резко обернулся к нему.

— Тише, Медвежонок.

Кнуд вскинулся, словно его ударили.

— Не смей меня так называть... — он угрожающе сузил глаза.

— Не смей так говорить со своим конунгом! — взъерился в ответ Фроди, и за его спиной выросло несколько человек: личная стража вождя.

— Во имя Одина! — воскликнула Сигрид. — Довольно!

Несколько мгновений Фроди и Кнуд прожигали друг друга взглядами, пока Медвежонок не отвернулся первым. Всё же он говорил с конунгом. Пусть даже не признавал его в своём сердце.

— Видишь, сестра, потому отец и не назвал твоё имя, — повернувшись к Сигрид, выплюнул Фроди. — Мужчины рядом с тобой становятся слабыми...

Почувствовав, как друг детства вновь закипел гневом, она резко схватила Кнуда за руку. Наконечники копий личных стражников конунга ярко сверкнули в лучах холодного северного солнца.

Стиснув челюсти, Сигрид заставила себя молчать. Фроди

смотрел на неё, словно испытывал, но она упорно разглядывала землю под ногами.

— Ты могла убить Морского Волка, сестра... — медленно выговорил конунг и покачал головой. — Теперь же Рагнар станет требовать тинга вождей, требовать с нас откупа. Придётся решать, как быть.

— Ты не дал мне столько людей, чтобы я смогла одолеть самого Морского Волка, — тихо возразила ему Сигрид.

Свинцовая усталость навалилась на неё, заставляя горбить плечи. Болели новые раны, ноги шатались, руки дрожали... Выносить разговор с конунгом становилось всё сложнее.

Фроди усмехнулся.

— Твои оправдания звучат жалко. Недостойно дочери и сестры конунгов.

Он знал, куда бить, знал, что больше всего на свете Сигрид страшилась бесчестия. Рыжеволосая воительница пристыженно опустила голову и сомкнула губы, пообещав себе, что больше с них не сорвётся ни слова.

— Ладно, — нехотя произнёс Фроди. — Довольно нынче. Вечером соберём мужчин и потолкуем. Как нам быть с Рагнаром, как сберечь себя от его гнева и мести.

Выразительный взгляд брата сказал Сигрид, кого он винил в том, что Морской Волк затаил на них злобу.

Фроди шагнул ближе, так, чтобы слышала только она, и тихо добавил.

— Ты подвела меня, сестра. И если завтра Рагнар потребует нашей крови, все будут знать — это из-за тебя.

Сигрид стояла на вершине скалы, что нависала над фьордом, и невидящим взглядом смотрела, как где-то вдали сливаются воедино серое небо и море. Ветер трепал её рыжие волосы, вытаскивал пряди из косы, которую она сплела на скорую руку, но она не поправляла их, позволяя хлестать по лицу.

Сюда она сбежала, когда стало невыносимо дожидаться вечера в длинном доме (жилище викингов). Слова с делами у Фроди не разошлись: он отправил воинов в ближайшие поселения, чтобы те к вечеру собрали свободных мужчин. Рабыни уже жарили мясо к пиршеству, которое замыслил её брат, и запаривали кипятком горькие северные ягоды.

Сигрид болезненно усмехалась, вспоминая, как пять седмиц назад Фроди также спешил устроить пир, когда стал конунгом.

Когда умер их отец.

Фроди не удержит власть. Она считала так не потому, что сама хотела возглавить общину, пусть это и было правдой. Нет. У брата нет силы отца, нет его безбашенной, отчаянной смелости. Конунг Ульв всегда говорил, что думал, потому на тинге вождей его слушали, не перебивая, и многие с ним соглашались.

Он первый сказал, что разрозненный Север — лакомый

кусок для их соседей. Что каждый оторвёт свою долю, если они не объединятся.

Но объединить Север не вышло ещё ни у кого. А ведь конунг Харальд — отец Рагнара Морского Волка — старался. О, как он старался, но получил лишь половину всех земель. А теперь его сын лишился рассудка и вздумал сотворить то, что не удалось отцу: силой оружия загнать всех под свой сапог.

Сперва над ним посмеялись. Посмеялись открыто, на тинге вождей, и тот тинг закончился кровью. Даже отец Сигрид — конунг Ульв — хохотал.

Но прошла всего одна зима, и смеяться всем расхотелось. Хватка у Морского Волка и впрямь была волчьей. Вцеплялся в глотку так, что не выпускал, пока не додавливал, пока не слышал жалобный писк и мольбу о пощаде.

Её брат решил, что способен одолеть Рагнара. Подкупил кого-то из его людей, самого заманил в ловушку...

Может статься, это её, глупую Сигрид, заманили в ловушку. И теперь все те, кто был верен отцу и видел в ней продолжение Ульва, узнают, что она оказалась слабой и ни на что не годной.

За спиной Сигрид раздался едва различимый шум, но она даже не обернулась, узнав поступь Медвежонка. Огромный, широкоплечий и темноволосый Кнуд ещё в детстве получил это прозвище. Лицом и телом он и впрямь напоминал медведя.

Кнуд подошёл к ней и стал так, чтобы ненароком коснуться плеча. Сигрид удержала раздражённое цоканье, что уже было готово сорваться с языка.

— Мы могли бы уйти, — прямо сказал Кнуд. Темнить он не умел. — Теперь, когда твоего отца забрал в Вальхаллу (небесный чертог, где после смерти пируют павшие в битве воины) Один... а нового конунга я не уважаю, чтобы слушаться его слова. Мы могли бы... принести клятвы...

— Я никогда не стану ничьей женой, — отчеканила Сигрид.

В голосе прозвучало раздражение, ведь далеко не впервые они говорили об этом. Медвежонок давно и безнадёжно в неё влюблён.

О, она хорошенько насмотрелась на участь всех жён. Собственной матери, рабыни, родившей Фроди, отцовских сестёр...

И решила, что станет воительницей, и скорее полоснёт ножом по горлу, чем позволит мужчине тронуть себя и пальцем!

Даже отец-конунг не заставил её взять мужа! У Фроди и подавно не получится.

— Он скажет, это ты во всём виновата, — горячо заговорил Кнуд. — Тебя накажут, Сигрид. Он хочет, чтобы все были против тебя, чтобы никто не поддержал истинную наследницу конунга Ульва!

— Хватит! — раздосадованно зашипела Сигрид. — Твой

длинный язык приведёт нас к погребальному костру гораздо раньше!

— Мы тебя поддержим, — упрямо буркнул Кнуд, и его голос дрожал от ярости. — Я и мой десяток. Гуннар, Олаф, Свейн... мы все! Они видели, как ты сражалась. Для них ты — истинная дочь Ульва, а не этот выскочка, что надел на себя плащ конунга.

Сигрид резко повернулась к нему, её глаза сверкнули.

— Тише!

— Мне плевать, — Кнуд оскалился, как зверь. — Если Фроди посмеет тебя тронуть — я разорву его на части.

Но вечером оказалось, что они оба ошиблись, и Фроди словно забыл о Сигрид и о её позорном поражении. Он почти ничего об этом не сказал, но зато представил всем посланника данов — их заклятых врагов!

И пока люди вокруг шумели, недоумённо глядя на конунга, Фроди довольно усмехался.

— Враг моего врага — мой друг, — сказал он, когда шум, наконец, стих. — Именно даны помогут нам расправиться с Рагнармом Морским Волком. Мы убьём его уже этой весной!

Вечером длинный дом был полон людей. Десятки плеч теснились под высоким двускатным кровом, воздух был густо пропитан запахами дыма, жареного мяса и кислого эля. Костры в очагах полыхали, освещая резные балки, на которых чернели оленины черепа и волчьи шкуры. Мужчины си-

дели рядами на длинных скамьях, рабыни спешно подавали еду и питьё, гул голосов сливался в одно громкое море.

Сигрид сидела ближе к стене, и её взгляд метался по лицам — суровым, усталым, ожесточённым — и каждый раз возвращался к помосту, где восседал Фроди. Она смотрела на довольную рожу предводителя данов — широкое лицо с толстой золотой серьгой в ухе, подбородок, заросший рыжей щетиной, и маленькие глаза, в которых не было ни капли доверия.

И не могла поверить в происходящее.

Вражда с ними началась так давно, что даже старики не помнили, как всё было. Но каждый на Севере знал: даны — чужаки. Пришлые с южных земель, они жгли селения, похищали женщин, уводили в рабство. Её отец рассказывал, как разил данов и клялся, что никогда не допустит их на северные пиры.

Хуже данов были только саксы. А теперь Фроди усадил их за стол.

Сигрид замечала направленные на незваных гостей неласковые взгляды соплеменников. Один из старых воинов громко сплюнул на пол. Женщины-рабыни прятали глаза. Мужчины неодобрительно качали головами.

— Да лучше в море броситься, чем сидеть за одним столом с отродьем, — говорили, не понижая голоса.

Фроди поддерживал лишь ближайший круг.

Такие же зубастые молодые волки, как и её брат.

Он же довольно усмехался весь пир, будто не замечал глухого ропота.

Внутри Сигрид всё кипело. Её пальцы до боли сжимали меховую накидку, дыхание сделалось прерывистым. Брат продал их всех, продал даже память об отце. Конунг Ульв отрубил бы голову любому дану, посмевавшему ступить под крышу длинного дома.

Фроди пил с ними из одного кубка.

— Я говорил тебе, — раздался над ухом рычащий шёпот Кнуда.

Сигрид сердито мотнула головой, и в миг, когда по непокорным рыжим волосам прошли отблески пламени из очагов, перехватила слюнявый взгляд предводителя данов. Рука невольно потянулась к копыю, только вот Фроди воспретил приносить на пир оружие, потому она не нащупала за спиной привычное древко.

Вместо копья она сжала кулак и оскалилась. Она ему не смазливая рабыня. Пусть только шаг в её сторону сделает, и она вонзит ему кинжал в грудь по рукоять.

Сигрид поморщилась от боли: слишком резко она взмахнула рукой, забыла, что ей немало досталось в короткой и отчаянной схватке с Рагнармом.

Фроди резко поднялся, и кто-то из его сторонников гулко ударил по столу, требуя тишины для конунга. На этот раз длинный дом замолчал неохотно. Мужчины сидели нахмуренные, женщины — со сжатыми губами, даже богатое уго-

щение не радовало: мясо остывало на подносах, кубки оставались полупустыми.

— В союзе с данами мы захватим всё, что отняли у нас Рагнар и его отец Харальд Суровый! — голос Фроди был твёрдым, он разносился под сводами, отражаясь эхом. — Серебро, — произнёс он громко. — Земли. Добыча. Всё это будет вашим! Богатства, которых хватит на многие зимы!

И тогда в длинном доме раздался первый одобрительный гул.

Фроди, услышав его, продолжил говорить.

— Хотите, чтобы дети больше не голодали зимой?! Хотите, чтобы жёны носили серебряные ожерелья?! Хотите, чтобы ваши имена звучали в сагах, как имена героев, что сокрушили Морского Волка?!

Толпа загудела громче, загорелась.

— С данами мы не только выстоим, — Фроди поднял копье, и блеск огня заиграл на резном наконечнике, — мы нападём! Будем брать их деревни, жечь дома, забирать серебро!

На этот раз в ответ раздались крики:

— Да!

— Верно!

— За конунга!

Люди стучали по столам, поднимали кубки, шум стоял, как на поле боя.

И только Сигрид сидела неподвижно, чувствуя, как холод

пробирается под кожу. Она смотрела на брата и на воинов — и ей казалось, что они все лишились рассудка.

«Серебро... земли... ради этого вы готовы впустить данов в наш дом? Предать память конунга Ульва? Продать Север? Стать рабами, лишь бы набить карманы?!»

Предводитель данов неторопливо поднялся, вскинул кубок и ухмыльнулся.

— За то, чтобы кровь Морского Волка текла по земле, как эль по глоткам!

А перехватив пылающий взгляд Сигрид, вновь слюняво улыбнулся и подмигнул ей.

— А я бы не отказался скрепить союз свадебкой.

Глава 3

Рыжую девчонку не нашли.

Рагнар сурово наказал тех, кто упустил её, но в поисках это не помогло. Он был зол, ступал по драккару мрачнее моря в самый лютый шторм, и его же люди боялись к нему подходить. Все, кроме Хакона, который был ему другом.

Воины гребли молча: каждый чувствовал ярость их конунга. Никто не решался заговорить. Даже шутливые слова, которыми в другое время они перебрасывались, застревали в горле.

Три дня они потеряли на берегу фьорда у той сгоревшей дотла деревни. Рагнар надеялся, что рыжую воительницу, что посмеялась над ним, получится отыскать.

Напрасно.

Попробуй, вождь.

Она дерзко усмехнулась ему в лицо и сбежала. Что он за конунг, если его люди не могут справиться с одной пленницей?!

Усмешка её не отпускала. Как соль, вьёвшаяся в свежую рану: стоит вдохнуть — и снова жгло.

В порыве гнева он едва не велел убить ещё и тех, кого они захватили вместе с рыжей. Остановил Хакон, а когда смог мыслить здраво, Рагнар согласился с его советом. Убьёт он их потом. Сперва привезёт домой и хорошенько расспросит.

Кто-то их предал. Рассказал о том, что он намерен войти в этот фьорд, что будет проплывать мимо деревни. Хвала Одину, чутьё не подвело Рагнара и в этот раз: он велел держать драккар ближе к скалам, почти у берега, и отряд, что охотился на них, сам сделался добычей.

Они ждали его с моря. Думали, что увидят загодя стяги на драккаре, успеют подготовиться и затаиться. Но Рагнар застал их врасплох и разбил отряд. Часть сбежала, часть уже никогда не покинет того берега, а часть он пленил.

Лишь затем, чтобы потом упустить.

Он мог терпеть многое: холод, голод, боль. Даже поражение в бою, что случалось нечасто.

Но не насмешку.

Не от мужчины. Тем более — не от женщины.

— Мыслишь, на нас напали люди нового вождя? — раздался рядом голос Хакона. — Сына конунга Ульва от рабыни. Как там его? Фроки? Флоди?..

Рагнар не сразу ответил. Он стоял у носа драккара, глядя в серую пену впереди, и только спустя миг процедил.

— Фроди.

И безразлично повёл плечами.

— На тинге вождей он говорил о союзе. Попросил для себя мою сестрёнку.

— Рагнхильд?! — вскинулся Хакон.

Он был так удивлён, что даже не скрывал этого. Кажется, этот новый вождь Фроди всё же безумен, раз решился по-

просить себе — сыну рабыни — в жену единственную дочь конунга Харальда!

— А я и не знал, — хмыкнул он, когда Рагнар коротко кивнул.

— Верно, Фроди постарался, чтобы о его позоре слышало поменьше чужих ушей.

— Что ответил твой отец?

— Ничего, — Рагнар пожал плечами. — Мимо него прошёл, как мимо отхожего места. Словно и не услышал.

— Он мог затаить зло.

— Это было ещё прошлой весной, когда его отец был жив. Давно всё забылось.

Хакон странно на него посмотрел, но ничего не сказал. Почесал затылок и с сомнением пожал плечами.

— Тогда рыжая девка пошла против воли брата? Раз ты говоришь, что Фроди хочет союза и мира.

Рагнар бросил на него короткий взгляд.

— Может быть, — сухо сказал он.

Ветер гнал на них запах соли и водорослей. Волны бились о борт драккара, скрипели доски, с глухим всплеском опускались в воду вёсла. За кормой плескалась белая пена, в небе тянулись косые стаи чаек, будто предчувствующих добычу.

— Откуда бы ей знать, что там будем мы? — проворчал Рагнар.

Он говорил неохотно, но мысль его не отпускала.

— Знали немногие, — ответил Хакон. — Ты, конунг Ха-

ральд... Из ярлов — Торлейв Рыжебородый, Эйрик Медвежья Лапа. Из хирда знал Орн.

— Ещё Вигг, старый кормчий отца. И мой брат Бьорн...
— Рагнар покачал головой.

Он стоял у носа, широко расставив ноги; корабль нырял на волнах, а он держался, будто врос в палубу.

Хакон посмотрел на своего вождя, а потом хрипло произнёс.

— Ты обо мне ничего не сказал, конунг. А ведь я тоже знал.

Рагнар медленно повернул голову. Их взгляды встретились, и он впервые за всё это время позволил губам дрогнуть в короткой, почти невидимой улыбке.

— Ты — последний, кого я стану подозревать.

Хакон коротко кивнул. Он сам назвал себя, а Рагнар будто и не помыслил поставить его в один ряд с другими. Такое доверие было редким даром — и от того только тяжелее его нести. За своего вождя Хакон был готов перегрызть горло любому.

И именно в этот миг дозорный с носа драккара закричал.

— Паруса! Справа!

Сквозь утренний туман, там, где серое небо сливалось с морем, проступил силуэт чужого драккара. А за ним — второй.

Выцветшие паруса покрывали красные полосы.

Рагнар резко втянул воздух, узнав рисунок.

— Это даны. Готовьтесь к битве.

Воздух разрезала первая вражеская стрела, и стало понятно, что говорить даны не намерены.

Тем лучше.

Рагнар не очень любил говорить.

— Вздевайте броню! — приказал он своим людям, а сам забрался на нос драккара и приложил ладонь к прищуренным глазам.

Корабли данов расходились веером, намереваясь сомкнуть его в железных клещах.

Он скривил губы в хищной усмешке и оглянулся. Хакон, невозмутимый, как всегда, расставлял лучников по бортам драккара. Вдоль них уже стеной легли щиты, повернутые алой стороной к морю. Корабль мгновенно преобразился, подобно дракону выставил чешую.

— Вперёд! — велел Рагнар, поймав взгляд друга. — Гнать на нос, прямиком на них!

Хакон уставился на конунга. В глазах его мелькнуло сомнение.

— Вперёд? — переспросил он. — Мы окажемся между ними, не успеем проскочить! Они раскрошат нас в щепки.

Кому другому Рагнар сомнения не простил бы... Но Хакон был его другом.

— Успеем. Все сядем на вёсла. Не мешкай! — хрипло говорил конунг. — Мы не овцы, чтоб бежать.

Их взгляды столкнулись, как клинки. Один хотел риск-

нуть, другой призывал к осторожности, и оба понимали цену ошибки. Хакон опустил глаза первым.

— Как прикажешь, конунг, — сказал он тихо, а затем, подбоченившись и широко расставив ноги, рявкнул во всю мощь глотки. — Садитесь на вёсла и гребите! Живо!

Ответом его послужило секундное замешательство, но затем все, чьи руки не были заняты луками, уселись на скамьи и навалились на вёсла. Они скрипели, заходя глубоко в тёмную воду, и снова взлетали в воздух, блестя каплями. Сапоги гулко стучали о палубу, когда гребцы подхватили один ритм. Драккар дёрнулся вперёд, и море взорвалось белой пеной.

Почти сразу же послышался свист: стрелы данов вонзились в выставленные по бортам щиты.

— Наклонитесь! — прорычал Хакон, и воины упали на вёсла грудью, чтобы не торчали головы.

На носу драккар Рагнар шурился, словно высматривал добычу. Его корабль рвал воду, как разъярённый зверь, и расстояние между ними и данами стремительно сокращалось. Стрелы летели все чаще и чаще.

— Левый борт! — выкрикнул конунг. — Разворачивай!

Кормчий резко дёрнул румпель, и драккар, словно живое чудовище, повиновался. Могучий корпус скрипнул, но пошёл дугой, меняя курс. Даны явно не ожидали такой дерзости: их корабли расходились, рассчитывая сомкнуться, а Рагнар бросился им прямо в пасть.

— Быстрее! — голос его был, как удар кнута. — Гребите!

И воины гребли, их мышцы вздувались, пот сливался с солёной водой, дыхание вырывалось изо рта хрипами, но драккар летел, рассекая море.

Вражеский корабль был уже близко. Рагнар видел данов — здоровенных, с растрёпанными косами, с огромными боевыми секирами. Они орали, потрясая оружием, готовясь к столкновению. Но их глаза расширились, когда поняли, что он не собирается уходить.

— Держитесь! — рявкнул Рагнар и вцепился в резную голову дракона на носу.

И прозвучал сокрушительный удар. Звук был таким, будто раскололась скала.

Раздался оглушительный треск, когда драккар Рагнара всей мощью, набрав предельную скорость, врезался в корабль данов. Те до последнего не верили в столкновение и попытались выгрести, уже когда стало слишком поздно. Драккар не успел развернуться и подставил под удар Рагнара бок.

Для конунга — большая удача. Для данов...

Их корабль содрогнулся, когда нос корабля Рагнара протаранил их борт. Доски пошли трещинами, чужаки на палубе попадали, кто-то кувыркнулся в море, во все стороны полетели щепки, надрывно закрипела мачта, и крик людей смешался с рёвом моря.

Драккар Рагнара пробил их, словно хищник, вонзивший клыки в горло жертвы.

Его воины уже швыряли багры и крюки, чтобы зацепиться и перебраться на чужой корабль.

— За мной! — велел конунг и, выхватив меч, прыгнул первым на палубу врага.

Хакон спрыгнул следом, прикрывая его спину, и воины ринулись за ними, как волчья стая.

Они застали данов врасплох и победили уже в тот момент, когда налетели на их драккар. Вода вокруг кораблей медленно розовела. Волны глотали тела, унося их в морскую бездну. Но никто из живых не смотрел вниз — все видели только лица врагов.

Прорубаясь, Хакон краем глаза заметил, что второй корабль данов уже разворачивался. Его тяжёлый нос рассекал волны, и люди на борту поднимали щиты, готовясь ударить.

— Конунг! — крикнул он, отбивая удар. — Ещё один драккар!

Рагнар оглянулся через плечо, и в его глазах вспыхнул холодный огонь.

— Добро, пусть идёт, — прорычал он. — Мы разорвём обоих. Возвращаемся!

Палуба стала скользкой, кое-где под ногами уже хлопала вода, и каждый шаг грозил закончиться падением. Путь по-прежнему преграждали уцелевшие даны, ещё более свирепые и отчаянные, чем в самом начале схватки, ведь теперь они знали, как она закончится для них. Их косматые рыжие лохмы были всклокочены, лица — перекошены ненавистью.

Рагнар прорубался обратно драккару, и Хакон следовал за ним по пятам, отбивая удары, что летели в спину Морскому волку. Воздух звенел от проклятий, криков и стонов.

На их корабле люди уже садились на вёсла, кто-то убирал багры и канаты. Они не могли просто отплыть, необходимо было оторваться от вражеского драккара, с которым их скрепляли прочные верёвки; выдернуть крюки. Рагнар задержался на чужом корабле, обрубая особо неподатливые багры, которые в спешке не удавалось выломать. Деревянные доски скользили под сапогами, ледяная морская вода мочила подошвы.

— Конунг! — звали с драккара воины, прикрывая Рагнара выстрелами.

— Возвращайся! — выкрикнул Хакон, наблюдая, как увеличивается расстояние между двумя кораблями.

Морской Волк был настоящим безумцем.

Рагнар ударил мечом, обрубая последний крюк, и тут же понял: опоздал. Его драккар уже отходил, и волны вставали стеной между бортами.

— Конунг! — ревел Хакон, вцепившись в канат. — Торопись, заклинаю Одином!

На миг Рагнар встретился с ним глазами и усмехнулся. Бешеная, волчья ухмылка, от которой у друга похолодело в груди. Разбежавшись, он оттолкнулся от скользкой палубы и прыгнул.

Прыжок был безумный: меж двух кораблей бушевала во-

да, которая могла ухватить его и утащить в чёрную пасть моря.

Но Рагнар успел. Его сапоги коснулись борта собственного драккара, и в тот же миг он сорвался вниз, но руки десятка воинов подхватили его и вырвали из цепких лап воды. С глухим стоном конунга перетянули на палубу.

Рагнар поднялся на ноги, вытирая с лица соль и кровь. В глазах его сверкал тот самый безрассудный огонь, что сводил врагов с ума.

— Безумец... — прохрипел Хакон. — Ты безумец, конунг.

Рагнар ухмыльнулся, с силой хлопнув его по плечу.

— На вёсла! — приказал он. — Чего застыли? Разворачиваемся! Второй драккар мы возьмём в плен и заберём их добычу!

Запах крови и смолы висел над палубой, смешиваясь с солью моря. Скрипели доски, под сапогами хлопала вода, перемешанная с багровыми разводами. Драккар данов, ещё недавно гордый и грозный, теперь покорно качался на волнах, будто сломленный зверь.

Рагнар шагал по палубе захваченного корабля, как хозяин. Его люди уже собирали трофеи: срывали с убитых кольчуги, вытаскивали из сундуков мешки с серебром, бочонки вина. Со всех сторон доносился довольный смех. У кормы сложили часть добычи: меха, редкие ткани, диковинные украшения.

— Да они шли с полными трюмами, — присвистнул Хакон, разглядывая гору, которая всё увеличивалась. — Эх, жаль, второй потопили. Любопытно, что там было.

— Богатый улов, — хмуро согласился Рагнар, поднимая с палубы серебряный кубок, небрежно рассматривая и бросая обратно. — С такими трофеями домой спешат, а не в бой лезут.

— Мудришь, конунг, — отозвался кто-то. — Немирье у нас с данами. Не могли они нас упустить, коли увидели.

— Они шли на нас, — Рагнар несогласно мотнул головой. — Намеренно шли, напасть хотели. Зачем? Когда у них и так трюм набит серебром.

Он обернулся к пленному предводителю данов. Тот сидел у мачты, раненый в плечо, но держался гордо, не отводил взгляда и только скалился, наблюдая за конунгом, который разгуливал по его палубе как по своей.

— Как тебя звать? — спросил Рагнар.

— Асгер, — процедил тот.

Конунг уселся на скамью напротив него. Пленник, грубо связанный верёвкой, бросил на него полный ненависти взгляд. Его рыжеватые волосы свалились от пота и крови.

— За кем ты носишь копьё, Асгер?

Тот рассмеялся лающий грубым смехом и оскалил в усмешке разбитые губы.

— За тем, кто тебя уничтожит. За Сигурдом Жестоким, конунгом всех данов! А скоро он станет и конунгом твоей

земли, Морской Волк, но ты уже будешь кормить рыб на дне! — с наслаждением выплюнул Асгер и, запрокинув голову, продолжил хохотать.

Рагнар остановил дёрнувшегося к пленнику Хакона. За спиной шумели его люди: слова дерзкого дана не понравились никому.

— Дозволь, я вырву его ядовитый язык, — с налившимися кровью глазами попросил Хакон.

— Как же он тогда выболтает все планы своего хозяина? — Рагнар покачал головой. — Нет. Я заберу его в Вестфольд, я заберу его домой.

— А с остальными что делать? — угрюмо спросил Хакон, мрачным взором окинув других пленных данов, что были привязаны к скамьям.

— Отбери четырёх покрепче, остальных отдай Ньёрду. Бог всех морей был к нам благосклонен, он получит богатую жертву.

В последний раз посмотрев на Асгера, Рагнар ушёл на нос чужого драккара. Ему нужно было подумать.

С данами они никогда не жили в мире, но прежде не случилось, чтоб они нападали без причины. Асгер возвращался на свои земли с богатой добычей после успешных налётов, но велел повернуть, едва завидев паруса Рагнара. Это было глупо. Его драккары были перегружены, потому и показали себя такими неторопливыми в бою. Будь они налегке, одни боги ведают, как закончилось бы морское сражение.

Положив руку на канат, Рагнар подтянулся и стал двумя ногами на борт, вглядываясь вдаль.

Сперва их поджидали на берегу фьорда, заманив в ловушку. Теперь даны набросились на него, как бешеное зверьё...

— Ты выглядишь так, словно проиграл эту битву, конунг.

К нему со спины подошёл Хакон.

— Я жалею, что не послушал тебя, — с досадой признался Рагнар, что было для него редкостью. — Сперва нужно было добраться до Фроди, а потом возвращаться.

— Но теперь уже поздно поворачивать, — помолчав, произнёс Хакон.

Он и впрямь предлагал разобраться с Фроди и узнать, как так вышло, что на его землях Рагнара поджидала ловушка. Да ещё с его бешеной сестрой во главе.

Но конунга сильнее волновал предатель, оставшийся дома. Тот, кто рассказал об их планах и подготовил ту ловушку, потому Рагнар велел садиться на вёсла и грести в Вестфольд.

— Вскоре всё прояснится само, — Хакон покосился на друга. — Когда мы доберёмся до дома. Или Фроди пришлёт людей, чтобы загладить нанесённую обиду и откупиться. И тогда выходит, что он не знал, что задумала его сестра. Или... — он выразительно замолчал.

— Или я вернусь и всё же снесу предателю голову, — хмыкнул Рагнар.

Вопреки опасениям конунга, оставшиеся дни плавания прошли мирно. Море было спокойно, дул попутный ветер,

изредка показывалось солнце, и им не повстречался никто, кроме знакомых торговцев, которые платили дань. Рагнар велел людям отдыхать и не особо напирать на вёсла, и возвращение домой было больше похоже на лёгкую морскую прогулку недалеко от берега.

Когда он был мальчишкой, отец брал его в такие, чтобы потихоньку учить морскому ремеслу.

Похоже, морской бог Ньёрд остался доволен их жертвой.

Настоящее удивление поджидало Рагнара на берегу.

Хакон оказался прав. Всё прояснилось само, ведь в Вест-фольде его встретила не только родня, но и незваные гости.

Конунг Фроди с рыжей сестрой Сигрид, которую он хотел подарить Рагнару.

Чтобы тот не держал обиды, ведь строптивая девка вздумала напасть на него сама, и её брат ни о чём не знал.

Глава 4

Весь путь до Вестфольда, дома конунга Рагнара, Сигрид провела привязанная к мачте. И с кляпом во рту.

Словно он мог помешать ей просить морского бога Ньёрда утопить драккары Фроди!

Но бог оставался глух к её мольбам.

Оказалось, что предводителя данов, которому она прилюдно отказала во время пира, звали Сигурдом Жестоким, и он был не просто предводителем данов, явившихся в их поселение.

Он был конунгом всех данов.

Откуда бы Сигрид знать? Она никогда прежде его не видела, только слышала, но слухи оказались лживы. Они описывали его совсем иначе, потому-то она и не узнала, а Фроди не называл его имени.

Теперь, чувствуя, как ноют затёкшие руки и вывернутые плечи, Сигрид думала, что брат сделал это нарочно. Он всё сделал нарочно, так она и оказалась привязана к мачте на драккаре, что направлялся в Вестфольд.

Когда Сигрид взбрыкнула на пиру, Фроди словно этого и ждал. Его воины скрутили и оттащили от неё Кнуда, прежде чем Медвежонок успел за неё вступить. Её тоже выволокли из-за стола и бросили в тёмном закутке, дожидаться, пока все всласть наедятся и напьются.

Но Фроди пришёл гораздо раньше, чем стихли крики и хохот за столами. Пришёл с её матерью и младшими сёстрами: всеми четырьмя. И Сигрид, не зная, что замыслил её брат, уже в тот миг поняла, что согласится на всё, потому что кинжалы возле их лиц убеждали лучше любых слов.

— Мы поплывём к Морскому волку, — сказал брат. — Я отдам тебя как военную добычу, как рабыню...

Её мать беззвучно заплакала, смотря на Сигрид широко раскрытыми глазами. Она на неё в ответ смотреть избегала.

— И ты будешь молчать обо всём, что было на пиру. А когда тебя спросят, кто приказал поджидать Рагнара в бухте Мёртвых волн, ты скажешь — никто. Сделаешь что-то не так — они умрут.

Фроди безразлично махнул рукой, один из его людей чуть надавил на кинжал, и на щеке матери выступила кровь.

Сидя на земле, Сигрид стиснула кулаки.

— Как я могу тебе верить? — спросила она тихо. — После всего, что ты сделал.

— Никак, глупая сестра, — он довольно оскалился. — Тебе остаётся полагаться на мою милость.

Скосив взгляд, она увидела, как мать помотала головой.

«Не соглашайся», — шепнули её губы.

Но рядом с ней стояли ещё четыре дочери... Сигрид давно привыкла, что они, ненужные ни отцу, ни матери, были её заботой.

— И сколько я должна... притворяться рабыней? — она

перевела тяжёлый взгляд на Фроди.

— Столько, сколько выдержишь, — он неприятно рассмеялся. — И не притворяться. Ты будешь рабыней, я отдам тебя в уплату оскорбления, которое ты нанесла Морскому волку, когда напала на него.

— Ублюдок... — прошипела Сигрид, чувствуя, как к горлу подкатывает чёрное отчаяние.

За своё оскорбление она быстро поплатилась: дёрнулась в сторону голова, из носа вновь хлынула кровь, щеку обожгло болью.

— А ты слепая дура, — мягко сообщил ей Фроди, кивком указав своему человеку, чтобы перестал её бить. — Я оставлю в Вестфольде тех, кто за тобой присмотрят по первости. Попробуешь меня обмануть, и я их убью, — он указал рукой на мать и сестёр. — Если только узнаю, что ты пыталась рассказать Рагнару правду.

В глазах Сигрид вспыхнула ненависть, но она заставила себя смолчать.

— Умница, сестрёнка, — с восторгом рассмеялся Фроди. — Уже вживаешься в образ покорной и — главное — молчаливой рабыни.

Наверное, он пытался её поддеть, потому что ему нравилось упиваться своей властью над ней. Сигрид, может, и была слепой дурой, раз позволила себя обмануть, но умела учиться на своих ошибках. Дерзить брату, когда за спиной два здоровяка только и ждали приказа вновь её наказать — было

несусветной глупостью.

Даже такая дура, как она, на неё не была способна.

— Что же, — Фроди вздохнул, не скрывая разочарования.

— Так тому и быть. Но не печалься, сестра, если Один будет к нам благосклонен, тебе недолго ходить в рабынях Рагнара.

— Почему? — осторожно спросила она и облизала кровь с губ.

— Потому что вскоре не будет ни Рагнара, ни его отца, ни Вестфольда, — он рассмеялся безумным смехом.

Его глаза сделались совсем чёрными, зрачок увеличился, занял всё пространство. Когда Сигрид заглянула в них, она увидела лишь глухую бездну.

Теперь этот разговор проносился у неё в голове, пока драккар покачивался на волнах. Мужчины гребли как безумные, Фроди хотел оказаться в Вестфольде как можно раньше. Им пришлось сделать крюк, чтобы не встретиться с Рагнармом в море, и теперь он окриками и оскорблениями заставлял людей навёрстывать упущенное.

Прикрыв глаза, Сигрид думала о доме. Нет, не о матери и даже не о сёстрах. Она думала о Кнуде. Оставил ли его Фроди в живых? Всё же за ним стоял крепкий, хороший род, он был старшим сыном своего отца — достойного, честного человека, который едва ли простил вождю потерю наследника.

Потому Сигрид лелеяла в душе надежду, что Медвежонок жив. Как живы все те, кто поддерживал её. Верил, что она достойна занять место конунга после смерти вождя.

Может, они приплывут, чтобы её освободить? Фроди вёл себя как безумец, и многие не могли быть с ним согласны. Те, кто ещё не лишился рассудка.

Ещё Сигрид думала, что стоит переступить через жгучую ненависть к Рагнару, и попытаться с ним... поговорить. Не сразу, нет, но через какое-то время. Конечно, сперва она пыталась его убить, а после стала рабыней, и он едва ли ей поверит, и вся его люди и семья будут её ненавидеть, но...

Но Фроди ошибается, если думает, что она покорно и молча примет свою судьбу и не попытается освободиться. Ради того, чтобы сбежать и отомстить ему, она пойдёт на многое.

Затопчет собственные чувства, усмирит сердце.

На деле всё оказалось иначе.

Они оказались в Вестфольде даже раньше Рагнара и дожидались его некоторое время. Потом, когда он прибыл — вместе с захваченными данами, Фроди чуть собственным языком не подавился, но пошёл на поклон к Морскому волку, долго ему что-то втолковывал, держа голову втянутой в плечи.

Сигрид наблюдала за всех с палубы, по-прежнему привязанная к мачте: лишь чуть ослабили верёвку, чтобы она могла вставать и шевелить руками.

Задержав дыхание, она смотрела, как ненавистный Морской волк поднялся на палубу их драккара и шёл к ней. Сердце бешено колотилось, заставляя кровь бежать по жилам быстрее; в глазах танцевало непокорное пламя.

«Я договорюсь с ним, — думала Сигрид. — Выжду время и всё ему расскажу. Он... он поймёт».

— Ну, здравствуй, рабыня, — сказал Рагнар с желчной усмешкой.

И она поняла, что надеялась напрасно.

Сигрид оцетинилась раньше, чем подумала.

— Ну что, конунг? — ещё и подбородок вскинула, показав разбитые губы. — Не смог одолеть в честной схватке, так взял меня в рабыни?

Отец не раз говорил, что у неё слишком дерзкий язык, хоть и любил её по-своему и даже баловал.

Она ведь думала сперва смолчать, но то, как Рагнар назвал её, грубое и хлёсткое «рабыня» возвело у Сигрид перед глазами кровавую пелену. Она даже потянулась к мечу, забывшись, и лишь когда связанные руки ухватили воздух у пояса, вспомнила, что оружие у неё отобрали.

Она сражалась с пятнадцати зим не для того, чтобы чужой конунг называл её рабыней! И если Морской Волк надеялся на её покорность — он жестоко ошибся и очень скоро это поймёт.

Ну а если велит наказать её, то Сигрид стерпит. Она немало боли уже вынесла и нынче сомневалась, что любой удар сделает ей больнее, чем «рабыня», обращённое к ней.

Рагнар прищурился, и Сигрид подобралась. Этот прищур она знала хорошо.

— Твоя сестра слишком болтлива, Фроди, — но вместо

того, чтобы её ударить, Морской волк обернулся к брату, который стоял в паре шагов от них и с недовольством наблюдал за Сигридом. — Такая рабыня не нужна и даром.

— Так укороти ей язык! — отозвался Фроди, хрустнув кулаками, и тайком погрозил ей.

Он выразительно провёл ребром ладони по горлу, напомнив, что жизни её матери и сестёр отныне в его руках.

— Я подумаю, — серьёзно сказал Рагнар.

Сигрид обожгла его взглядом, но смолчала. Она смотрела на конунга снизу вверх, и это ей тоже не нравилось. Она была выше почти всех женщин в их поселении и вровень многим мужчинам, но Морскому Волку она доставала макушкой до подбородка, и ей приходилось задира́ть голову.

— Почему она привязана к мачте? — спросил Рагнар, уперев кулаки в бока.

Он не спешил ни уходить с палубы, ни принимать дар, и Фроди бесился, но старался не подавать виду.

— Хотела сбежать, — кисло отозвался тот.

Сигрид презрительно оскалилась. К мачте её привязали, чтобы унижить. Братец лучше всех знал, что никуда она не сбежит. Не когда он приставил нож к горлу её родни.

— Дерзкая на язык, да ещё и непокорная, — Рагнар покачал головой. — Не пойму я, Фроди-конунг, разве я тебя обидел чем-то, что ты такую рабыню мне отдаёшь?

Брат побагровел, а Сигрид насторожилась. Она переводила взгляд с одного мужчины на другого и уже не знала, како-

му исходу их разговора будет рада.

— О нет, Рагнар Харальдссон (сын Харальда), — поспешил ответить Фроди. — Это моя сестра тебя обидела, когда посмела напасть, и я решил отречься от неё, чтобы ты знал: я ценю мир, что между нами сейчас. Делай с ней, что угодно, она в твоей власти.

Морской волк пожал широкими плечами и задумчиво посмотрел на Сигрид, словно решал что-то. Она напряжённо замерла и сердито одёрнула себя, когда поняла, что втягивает голову в плечи. Вдруг она осознала, что есть вещи куда страшнее, чем стать рабыней Рагнара.

Он может отказаться от неё! И тогда она вернётся домой с братом, и тот её убьёт, и хорошо, если её смерть будет быстрой...

Проклятый Морской Волк молчал, и Фроди добавил с понимающей улыбкой.

— Я слышал, она приглянулась тебе...

Рагнар бросил на него косой взгляд. Светлые брови на миг сошлись на переносице, но потом он хмыкнул и кивнул.

— По рукам, Фроди. Я забираю девку и дары. Пусть между нами не будет обид.

— Рад слышать, конунг! — её брат искренне обрадовался, и они скрепили уговор, постучав друг друга по плечам.

Достав из голенища сапог нож, Морской Волк наклонился к Сигрид. И тут же послышались смешки его людей, которые молчали всё время, пока вождь не сказал своё окончательное

СЛОВО.

— Побереги себя, конунг! Как бы строптивая девка тебе чего не откусила.

— Лучше другой нож ей покажи, может, придётся по нраву!

— Главное, чтобы нужной стороной вставил в... ножны!

Хирдманы (участники хирда (дружина у викингов) потешались, кто во что горазд. Рагнар их не одёргивал, хотя сам не улыбался, а вот Сигрид казалось, её выкупали в дерьме. На чужого конунга она старалась не смотреть, всё косилась на брата, который хохотал громче прочих.

Убью, — подумала она с ненавистью, и перед глазами появилась кровавая пелена. — Убью его.

Но когда Рагнар жёсткой ладонью обхватил её подбородок и скулы, Сигрид пришлось взглянуть на него. Она ждала, что он заговорит, но чужой конунг бесконечно долго смотрел ей в глаза, а затем отпустил, одним рывком разрезал верёвку, которой она была привязана к мачте, спрятал нож в голенища сапога и отошёл.

Больше в её сторону он даже не посмотрел. В окружении своих ближайших людей отправился разглядывать дары, привезённые Фроди, затем и вовсе сошёл с драккара и поднялся на другой — с датскими парусами. Постепенно палуба опустела, но Сигрид не осталась одна: брат всё же велел двум воинам за ней присмотреть.

— Ну, чего застыла? — грубо сказал один из них. — Сту-

пай на берег, скоро будешь ублажать своего хозяина.

Сигрид внимательно на него посмотрела, запоминая лицо. Когда умер отец, брат привёл новых людей, и этот был одним из них. Она даже имени его не знала, потому постаралась, чтобы мерзкая рожа навсегда отложилась в памяти.

Его она тоже убьёт.

Избавившись от верёвки, Сигрид легко сошла по мосткам на берег.

Она не оглянулась.

Вестфольд, дом конунга Рагнара, был богатым поселением. Самым богатым из всех, что Сигрид видела. У берега стояли драккары, очень много драккаров, она даже сосчитать их не смогла. Всюду сновали люди, и никого из них она не знала. Рабы и свободные, женщины и мужчины, юноши и девушки, дети...

Встречать Рагнара вышли многие, и никто не расходился, даже когда конунг отправился осматривать драккары. Сигрид сперва не могла взять в толк, почему, а потом увидела, как воины выносили на берег добычу, которую привёз Рагнар, и складывали в особом месте, выстланном шкурами. И каждый мог посмотреть, с чем вернулся конунг.

Отвернув намеренно лицо, Сигрид прошла мимо. Больше всего ей хотелось поглядеть на драккар данов, при виде которого Фроди перекосило. Но бесправная рабыня не смела ступить на палубу корабля... Она отрубила бы себе ногу, ес-

ли бы случайно запятнала драккар, пусть даже и проклятых данов.

Нет, Сигрид знала, что сперва она вернёт себе свободу и имя. А после взойдёт на драккар. Вновь.

Этот день ещё настанет.

Сам Вестфольд стоял на вершине холма, что возвышался над берегом. Устье фьорда здесь было спокойным, а скалы защищали от лютых северных ветров.

— Чего замерла? — её грубо окликнули.

Перед Сигрид стояла женщина, годящаяся ей в матери. Но свободная — судя по знакам на одежде. Её побитые сединой волосы были заплетены в две косы, переброшенных на грудь. Платье было сшито из простого, но тёплого и добротного полотна. На поясе болталась тяжёлая связка ключей, висел небольшой кожаный мешочек.

— Не знаю, куда мне идти, — ровным голосом сказала Сигрид.

— Ты новая рабыня Рагнара?

Выдержка Сигрид на этом иссякла. Зашипев, словно раненый зверь, она предупредила.

— Не смей меня так называть.

Женщина звонко расхохоталась, да так сильно, что затряслись даже косы на груди.

— Своевольные рабы долго не живут, слыхала о таком? За дерзость полагается порка. Иди в Длинный дом, спроси там Йорунн. Она покажет тебе место.

И, смерив напоследок Сигрид насмешливым взглядом, зашагала к берегу.

Рыжая воительница же осмотрелась. Её пусть и оставили одну, но она чувствовала, что за ней присматривают. Но бежать она и не думала: какой толк?..

Потому, смилив себя, она зашагала вверх по склону. И удивилась, заметив вдалеке частокол. Забор широким кругом огибал поселение, и Длинный дом, и все хозяйственные постройки находились внутри него.

Здесь было ещё шумнее, чем на берегу, и ещё больше людей сновало от одного здания к другому. Злясь на себя, Сигрид всё же с любопытством вертела головой. Конунг Рагнар жил в достатке. Выстроил и общий Длинный дом, и множество хижин, что к нему примыкали; завёл скот и хранил здесь же зерно; была у него и своя кузня, и навес, под которым она увидела наполовину готовый драккар!..

Чем ближе она подходила, тем сильнее в нос ударил запах пищи. Женщины готовили пир. Вопреки тому, что ей велели, Сигрид не пошла никого разыскивать. Вот ещё! Она села на деревянную бочку, широко расставив ноги, и принялась смотреть по сторонам. Ветер трепал её непокорные волосы, бросал пряди в лицо, и она подумала, что неплохо бы разжиться шнурком и заплести косу.

Фроди, отчего-то помыслив, что проклятому Морскому Волку понравится смотреть на её волосы, заставил её их распустить, а когда Сигрид не послушалась, смахнул часть косы

ножом вместе с завязками.

Люди, что проходили мимо, косились на неё с неодобрением, а кто-то даже с неприязнью, но заговаривать не решались. Хирд (дружина) встречал вождя, и в поселении остались только рабы.

Шаги за спиной Сигрид услышал, но не подала виду, а когда попытались выбить из-под неё бочонок, даже не пошевелилась и через миг получила тычок в плечо.

— Ты что расселась?!

Кажется, её нашла та самая Йорунн, о которой говорила женщина на берегу.

Сверкнув упрямым взглядом, Сигрид скрестила на груди руки и встала.

— Ты норов-то уйми, — посоветовала ей крупная, полная женщина с неласковым взглядом и загрубевшим от постоянного крика голосом. — Ещё одна безрукая на мою голову! — причитала она. — Ступай отсюда, дел полно, стряпать будешь!

И она попыталась схватить Сигрид за шею и подтолкнуть в сторону одной из хижин, но та увернулась.

— Ах ты мерзавка! — разозлилась толстуха. — погоди, скажу Хрольфу, выплет тебе плетей, будешь знать, как дерзить! Ну, пошли, кому говорят!

Сигрид нарочно выждала немного, чтобы позлить бабу, а ещё чтобы не смела понукать ею, как лошадь, и ступила под покатую крышу хижины, лишь когда Йорунн окончательно

рассвирепела.

В нос тут же ударил запах крови и мяса: кучка девушек и женщин свеживали добычу к пиру. Старухи чуть в стороне рубили коренья, кто-то возился с тестом и потрошил рыбу. Когда она вошла, то перекрыла свет, что шёл из двери, и все подняли головы, чтобы на неё посмотреть.

В спину Сигрид прилетел очередной тычок. Глупая баба думала, что сможет сдвинуть её с места своей жирной рукой. На ногах она устояла с лёгкостью.

— Лохмы собери, не то отрежу, — велела Йорунн и сунула ей кусок верёвки. — Ступай рыбу чистить.

Не торопясь, Сигрид сплела косу, скользя внимательным взглядом по лицам женщин. Усталым, но не изнурённым. Некоторые были очень красивы, и самая красивая сидела и вяло мяла длинными, довольно нежными пальцами тесто в огромном котле. Старух было лишь двое, остальные — гораздо моложе.

— Пошла, кому сказано! — несносная толстуха пихнула её в спину ладонями.

Сигрид невольно подалась вперёд и шагнула к месту, которое для неё нехотя освободили две женщины постарше. Садясь, поймала на себе неприязненный взгляд холеной красавицы.

— Фу, — сказал кто-то, — несёт потом и водорослями. Что за грязный зверёк к нам пожаловал?

— Помолчи, Уна, — прикрикнула толстуха на темноволо-

сую девушку с острыми скулами и насмешливо изогнутыми губами. — Да займись делом.

— Конечно, госпожа Йорунн.

— Да объясните ей, как всё у нас заведено, — кивнув напоследок на Сигрид, толстуха вышла.

Стоило ей скрыться, в хижине заговорили одновременно все. Кто-то спрашивал, откуда она да как её зовут, кто-то жаловался на запах, насмехался над её нечёсанными волосами. Уна недовольно зыркнула и тихо шепталась о чём-то с красавицей. За манеру держать голову Сигрид прозвала её про себя Дроттнинг (принцесса, княжна). К рыбе она так и не притронулась, с отвращением глянув на тушку с выпученными глазами.

Мать её учила готовить, конечно, но у неё дома, как и здесь, этим занимались рабы, и взяться за разделку вонючей рыбыны означало смириться с тем, что Сигрид теперь одна из них.

Никто.

Ничто.

Вещь.

Неудивительно, что её норовистый характер и нежелание делать то, что делали все — кроме Дроттнинг — разозлило остальных. Сперва женщины недовольно шептались, затем она получила несколько чувствительных тычков под рёбра, а потом Уна — главная соратница светловолосой красавицы — воткнула нож на доску, что пустой лежала перед Сигрид.

— Эй, ты, — сверкнула она гневным взглядом. — Ты такая же, как мы отныне, не думай, что чем-то лучше!

Сигрид посмотрела на неё исподлобья и скривила губы.

— Да у неё морда разбита, видать, уже отходил кто-то, — услышала она довольный голос.

— Мало отходили, — хмыкнула Уна. — Надо добавить.

И совершила ошибку, выдернув нож из доски и попытавшись поднести его к лицу Сигрид. Та молниеносно взмахнула рукой, выбила у неё лезвие и хорошенько ударила по запястью. Уна взвыла, и это словно послужило знаком для остальных: на Сигрид набросилось сразу несколько женщин.

На земляной пол полетели доски, мясо, рыба, корни, кишки, чешуя, отрубленные головы. Всё перемешалось, завязалась громкая драка с визгами и криками, и разнимать её прибежали мужчины.

Глава 5

— Рагнар, — Хакон тронул его за плечо.

В узком кругу воинов вместе с Фроди и его людьми они утоляли голод в ожидании пиршества. Немного раньше Хакона отозвал в сторону Хрольф — он распоряжался в Вестфольде от имени конунга, когда тот уходил в плавание, а Хакон с озабоченным видом подошел к Рагнару.

Смекнуть, что что-то случилось, было нетрудно.

Рагнар заскрипел зубами, потому что догадался, из-за чего случилось, ещё когда Хакон не раскрыл рта.

— Рабыни подрались, — сказал тот.

— И? — выплюнул конунг сквозь зубы.

Станет он ещё разбираться с такими пустяками!

— Среди них рыжая. Говорят, надерзила Йорунн и была зачинщицей.

Рагнар не удивился. Они пробыли на берегу совсем недолго, а половина Вестфольда уже слышала о новой рыжей рабыни, которая сперва осмелилась напасть на его отряд и которую затем старший брат отдал в откуп за нанесённое оскорбление.

Недобро он покосился на Фроди. Со своим хирдом он говорил, чтобы никто не трогал рыжую. Немало нашлось бы тех, кто желал отомстить ей за устроенную засаду и за раненых приятелей. Но всем рты заткнуть он не в силах, да и не

его это дело — жизнь какой-то рабыни!

«Не смог одолеть в честной схватке, так взял меня в рабыни?»

— Они втоптали в грязь еду к пиру, — с нажимом добавил Хакон, не дождавшись ответа. — Побили посуду, Сигрид ударила толстуху Йорунн.

— Локи её раздери, — прорычал Рагнар сквозь зубы и вскочил.

Они сидели на покрытых шкурами скамьях возле очага и передавали по кругу рог, и стоило ему подняться, как взгляды всех обратились к нему. Кажется, негромкие слова Хакона услышали и остальные.

Не став ничего говорить, Рагнар одёрнул тёплую рубаху и вышел наружу. Следом поспешил и Хакон, а вскоре конунг уловил, что за ними шагает Фроди с двумя своими ближними. Уловил и рассвирепел.

Он дошёл до хижины, возле которой появлялся нечасто: в ней готовили и жили рабыни. Остановившись в дверях, хлёстко втянул носом воздух, смотря на учинённое ими. Хакон не соврал: на земляном полу грязной кучей валялось мясо, рыба и коренья. Всё было перевернуто: котлы, миски, какая-то посуда. Что-то побито, что-то погнуто.

Рабы держали за сведённые за спинами руки трёх женщин: Уну, Хердис и Сигрид. Она единственная пыталась вывернуться. Одежда на каждой была потрёпана и местами разорвана, волосы растрепались, на лицах и руках виднелись

следы свежей драки.

Завидев конунга, все замолчали и затихли. От толпы, что стояла в стороне, отделилась и подошла к Рагнару светловолосая красавица Сольвейг. У неё на щеке он увидел длинный, тонкий порез. Всхлипнув, она склонилась перед ним и, дождавшись кивка, прильнула к левому боку, положив ладошку на грудь.

— Мой господин, — она схватила нож и хотела наброситься на нас... порезала меня вот здесь... — тихо вздохнув, коснулась щёки, — нам пришлось её побить немного... — лепетала Сольвейг.

Сигрид, громко хмыкнув, сплюнула на землю кровь.

— Лживая, подлая дрянь, — сказала она безо всякого стеснения.

— Не смей открывать рот без позволения конунга! — тут же указали ей и крепче заломили руки.

Она поморщилась, но пощады не попросила.

— Сольвейг говорит правду? — Рагнар обвёл тяжёлым взглядом женщин, и те закивали невпопад.

— Правду, господин...

Светловолосая рабыня ластилась к нему, крепко-крепко прижималась к руке, так что даже через рубаху он чувствовал её мягкую грудь.

— Ты заслуживаешь за свою дерзость плетей, Сигрид.

Слова принадлежали не Рагнару. Их произнёс Фроди и презрительно посмотрел на сестру.

— Из-за тебя нашему отцу в чертогах Одина не лезет в горло мёд! — хлестнул он голосом.

Сигрид — дерзкая на язык Сигрид — вдруг смолчала, и это заставило Рагнара мельком на неё взглянуть.

— Поскорее бы тебя прибрала владычица Хель! — со жгучей ненавистью воскликнул Фроди. — Сняла бы обузу с моих плеч. Вели хорошенько её выпороть, конунг. Пусть знает своё место! — и мужчина посмотрел на него.

К левой руке ещё теснее прильнула Сольвейг, словно желая показать, что слова чужого конунга ей пришлись по душе.

Рагнар чуть оттолкнул её и царапнул пальцами подбородок, покрытый светлой щетиной.

— Со своими рабынями я разберусь сам, — ровным голосом сказал он, но Фроди осёкся и примирительно поднял ладони.

Даже в сторону отступил.

— Ну? — Рагнар раздражённо посмотрел на Сигрид. — Язык проглотила?

Та вскинула колючий взгляд и дёрнула верхней губой, словно молодой волчонок.

— Давай, конунг. Делай, как тебе сказали.

Рагнар услышал, как за спиной резко выдохнул Хакон. Даже те рабыни, которых держали за руки, постарались отодвинуться от Сигрид, а уж остальные и подавно шарахнулись от неё подальше. Её хотели ударить, но конунг коротко махнул

рукой, не позволив.

Он стоял и смотрел на рыжую до тех пор, пока та не опустила первой свой безумный взгляд. Затем он через плечо обернулся на довольного Фроди. И тогда конунг сказал.

— Отвести её к Хрольфу. Пятнадцать... нет, двадцать плетей.

Даже страх перед ним не удержал многих от потрясённого вздоха. Это было лютное наказание, столько плетей обычно назначали мужчинам, и редко, какая рабыня получала больше пяти, и то, нужно было совершить что-то очень, очень плохое.

Потому что Рагнар не терпел жестокости ради жестокости. И тем пугающе прозвучали его слова.

Сигрид низко опустила голову, но не проронила ни звука.

— Моя сестра это заслужила, конунг, — сказал Фроди.

А Рагнар повернулся к Хакону, и тот, поняв без слов, подошёл вплотную.

— Проследишь за наказанием. Как очухается, запереть в хлеву и приставить кого-нибудь, чтоб не сбежала.

— Да, конунг.

Хакон собрался уходить, когда Рагнар, поглядев на Сигрид, придержал друга за локоть.

— И ещё...

— Всё сделано, как ты велел, — Хакон вновь тронул конунга за плечо.

На сей раз во время пира, который запоздал и вышел бедным на угощение, но всё же состоялся.

— Девку заперли, я приставил пока к ней Ставра из своего десятка.

— Славно, — сухо кивнул Рагнар. Помедлив, он спросил уже громче. — Она усвоила, за что была наказана?

— Конечно, — Хакон хмыкнул. — Хрольф знает своё дело.

Он опустился на скамью слева от конунга. По правую руку на почётном месте сидел Фроди и внимательно прислушивался к чужому разговору. Трапеза была в самом разгаре, за столами шумели воины, стуча кружками о дерево и сальными взглядами окидывая прислуживающих рабынь. Веселились и свободные женщины — здесь же, рядом с мужчинами.

Несмотря на неудачу, которая подстерегла Рагнара в одном из фьордов, им было что отпраздновать.

Два драккара данов были повержены, один захвачен с добычей, они взяли пленников, которых ещё предстояло допросить.

— Хороший дан — мёртвый дан! — поднимали за столами кубки.

— За Морского Волка! За конунга Рагнара! — кричали в ответ.

— Как ты разбил сразу два драккара? — к вождю, не утерпев, склонился Фроди.

— Его руку направляет сам Один! — воскликнул тот, кто

услышал вопрос. — Ему благоволит морской бог Ньёрд!

— Тише ты, — урезонили особо заговорившегося мужчину. — Не гневи богов!

Выждав, пока его люди накричатся, Рагнар повернулся к Фроди.

— Драккары шли с добычей и были неповоротливы, — просто сказал он.

Заметив в глазах чужого конунга разочарование, усмехнулся краем губ и ничего больше не прибавил.

— Я тоже хочу сказать, — Фроди взял кубок и поднялся со скамьи.

Ему пришлось подождать, пока уляжется гомон. Рагнар хлопнул ладонью по столешнице, и стало потише.

— Я рад, что между нами нет больше обид, конунг, — громко заявил Фроди, и его слова встретили одобрительным гулом. — Моя сестра Сигрид предала меня и моё доверие. С кучкой предателей сговорилась за моей спиной и посмела напасть на твой драккар. Она хотела посеять смуту и вражду. Хотела расколоть нашу общину! Чтобы занять моё место, как она всегда желала. Но наш отец, да пирует он в Вальхалле (небесный чертог, куда после смерти попадают доблестные воины, павшие в битве), был мудр и поставил конунгом меня!

Рагнар слушал внимательно и не сводил с Фроди тяжёлого взгляда.

— Сигрид мне больше не сестра! — воскликнул тот. — Я

отдал её тебе, поступиай с ней, как хочешь, она отныне твоя рабыня и добыча, конунг. Но коли примешь совет от человека, который столкнулся с её предательством и вероломством, убей её, Рагнар!

После этих слов грянули дружные хлопки: шумели люди Фроди. Они колотили ладонями о столы и стучали ногами по земляному полу так, что крыша Длинного дома содрогалась.

Выждав, пока шум уляжется, Рагнар неторопливо поднялся.

— Я тоже рад, что между нами нет обид, — произнёс он и положил ладонь на плечо Фроди. — Если говорить о моей новой рабыне... ты верно сказал, она моя теперь, и я решу, как с ней поступить. Но будь спокоен, конунг, я всегда воздаю за содеянное.

— Мудрые слова! — с одобрением кивнул Фроди. — Я рад, что мы друзья теперь.

Они обменялись кубками, и каждый выпил из чужого, крепко стиснув друг друга за плечо. Затем вернулись на места за столом, и пир потёк своим чередом. Вскоре пришли ещё женщины, к Рагнару под села светловолосая Сольвейг, нежная и кроткая после наказания Сигрид. Она льнула к конунгу, но тот почти не глядел на неё, негромко говорил о чём-то с Законом.

Наконец, Рагнар поднялся и посмотрел на Фроди.

— Прошу, будь моим гостем, — произнёс он и указал на длинный стол. — Пируй и веселись. А я должен тебя поки-

нуть.

И, не дожидаясь ответа, он широким шагом направился прочь, и Хакон пошёл следом. На лавке осталась покинутая Сольвейг, бросившая в спину конунга тоскливый взгляд. Тишина, вызванная его уходом, продолжалась недолго. Рагнар не успел переступить порог Длинного дома, как за столами вновь грянул смех и зазвучали громкие голоса.

Когда они оказались снаружи и глотнули свежего, прохладного воздуха, конунг сказал.

— Отправь завтра гонцов к моим ярлам (доверенное лицо конунга), пусть все, кто могут, придут в Вестфольд и поскорее. Мы должны обсудить новый поход.

Хакон, который слышал об этом впервые, посмотрел на сосредоточенное лицо Рагнара и негромко спросил.

— На данов?

Конунг пожал плечами.

— Там будет видно. Идём, я хочу потолковать с пленниками.

Им пришлось пройти всё поселение насквозь, от Длинного дома до отдельной хижины, в которой заперли данов. Прежде в нём хранили корм для скота, и Рагнару нравилось думать, что его извечные противники заперты там.

Воины, стоявшие на страже, увидев конунга, распахнули деревянные двери и разогнали факелами царившую внутри темноту.

Пленённых данов привязали к столбу, подпиравшему

крышу, и они подслеповато щурились из-за света, пока Рагнар неспешно прошёл вперёд и оглядел их, выцепив Асгера.

— Два твоих драккара шли с хорошей добычей, — он сразу заговорил о деле. — Трюмы были полны серебром, а корабли — тяжелы и неповоротливы. Но ты напал на меня, едва завидев паруса. Почему?

Дан взглянул на него каким-то диким взглядом. Потом осёкся и хмыкнул, обнажив ряд неровных зубов, в котором не хватало нескольких штук.

— У нас немирье, конунг. Или позабыл ты?

Тех, кто осмелился засмеяться, тычками под рёбра утихомирили стражники. Рагнар же не улыбнулся.

— Ты прав, Асгер, — сказал он. — Теперь у нас немирье.

Узнав всё, что хотел, Рагнар покинул хижину, где держали данов, и направился в свои покои. Норманны привыкли жить всей общиной в нескольких домах, которые традиционно делились на женские и мужские части, отгороженные плотными занавесями из шкур, но Рагнар, как конунг, ночевал отдельно в самой дальней части Длинного дома. От прочих её отделяли стены, а не шкуры.

Когда он вошёл, Сольвейг уже дожидалась его. Сперва Рагнар хотел прогнать её, но затем передумал и позволил раздеть себя, развязать воинский пояс и снять сапоги. Обрадованная, она в одно движение скинула платье, под которым не было даже нижней рубахи, и прильнула к Рагнару. Но мыслями он был далеко, и, пока руки скользили и сжимали тёп-

лое, податливое тело, думал совсем о другом.

С Фроди Рагнар распрощался на третий день, чужой конунг почему-то никак не желал покидать Вестфольд, придумывая всё новые причины, чтобы задержаться. Под конец Рагнар его почти выгнал, не позволив увидеться с сестрой, пусть тот и просил. Говорил, что хотел посмотреть в бесстыжие глаза Сигрид в последний раз.

Как только драккар Фроди покинул фьорд, Рагнар сам пошёл в хижину, в которой все эти дни держали Сигрид.

Настало время им поговорить.

Глава 6

Тремя днями ранее.

Когда после приказа Рагнара Сигрид схватили и потащили двое мужчин, она попыталась вывернуться и громко сказала.

— Я сама пойду. Отпустите меня!

Не ослабляя хватки, одновременно они оба взглянули на правую руку конунга — Хакона. Тот, смерив её недовольным взглядом, всё же кивнул. И бросил сквозь зубы.

— Бежать тебе некуда, не гневи Богов и не усугубляй судьбу, она и так не завидна.

Сигрид оскалилась, но, как обещала, спокойно пошла за Хаконем. Двое воинов держались на полшага позади.

Ей хотелось зябко повести плечами, но она крепилась. На неё смотрели многие, она спиной чувствовала чужие любопытные взгляды и знала, что не должна показывать слабость. Чем ближе они подходили к постройке, что стояла в стороне от хозяйственных и жилых сооружений, тем труднее становилось Сигрид сохранять безразличный вид. Ноги увязали в земле, колени подгибались, а по телу проходила неконтролируемая дрожь.

Двадцать плетей.

Хватит ли у неё сил, чтобы их вынести? Или, как страстно желал Фроди, она умрёт?..

Сигрид была невероятной упрямщицей, но порой даже упрямства бывало недостаточно, чтобы выжить.

Хрольф — здоровый, широкоплечий мужчина с огромным размахом рук — дожидался их снаружи. Сигрид, запнувшись, чуть не упала и досадливо покраснела от стыда. Она обернулась через плечо и увидела, что позади них постепенно собиралась толпа любопытствующих зевак. Поглядеть на наказание новой рабыни хотели многие.

Она застыла на мгновение, когда увидела плетъ, что держал в огромных ручищах Хрольф. С трудом проглотила слюну и всё же опустила голову, чтобы не смотреть.

— Внутрь, — велел Хакон, и по толпе пролетел разочарованный вздох.

— Ничего! — сказал кто-то. — Хоть послушаем, как станет вопить!

Ему ответили согласным гулом.

Сигрид облизала губы и сплюнула на землю кровь, вскинула голову и вошла в хижину, расправив плечи. Первым в глаза бросился столб с кольцами из потёртых ремней: как раз на уровне поднятых над головой рук. Она остановилась перед ним не в силах сделать и шага и услышала за спиной насмешливый голос Хакона.

— Сама пойдёшь? Или помочь?

Сил, чтобы огрызнуться, у неё не было, и потому Сигрид упрямо насупилась и подошла к столбу.

— Одежду снимай. Нижнюю рубаху оставь, — прозвучал

следующий приказ.

Резкими движениями она принялась распутывать завязки и отстёгивать крючки и срывать с себя слой за слоем, пока на ней не остались только портки из грубой кожи и нательная рубашка из очень тонкого полотна.

Затем её подтащили к столбу, заставили поднять над головой руки и до боли затянули кожаные ремни вокруг запястий так, что она не могла ими пошевелить.

Сигрид затихла, прислушиваясь к шагам за спиной, и каждый миг вздрагивала, словно от удара, напряжённая и натянутая, как тетива лука. Время шло, и ничего не происходило, и ожидание выматывало хуже самого наказания. Мужчины негромко шептались о чём-то, и она не могла разобрать слов.

Наконец, в воздухе свистнула плеть. Сигрид вжалась грудью в столб, словно могла слиться с ним, и исчезнуть. К ней подошёл Хакон, и лицо у него было напряжено, словно наказывать станут его.

— Давай, — велел тот Хрольфу, и Сигрид стиснула зубы.

Ей даже не дали в рот палку, наверное, хотели, чтобы она визжала как свинья, но этого они от неё не дождутся, она будет молчать столько, сколько выдержит.

Но Сигрид ошиблась.

Когда в воздухе вновь отвратительно свистнула плеть, она вскрикнула, но не от боли, а от неожиданности, потому как удар пришёлся не по спине, а по колдобине, что стояла неподалёку. Хакон же в тот самый миг дёрнул её за волосы, заста-

вив запрокинуть голову, и из-за этого Сигрид вскрикнула.

Пока она не опомнилась, жёсткая ладонь мужчины закрыла ей рот, и в тишине она услышала одобрительные возгласы толпы.

— Так её! Будет знать девка!

— У Хрольфа рука тяжёлая, завизжала с первого удара!

— А сколько ещё впереди!

— Всунь ей палку в рот, не могу слышать, как она вопит!
— громко велел Хакон, не отпуская Сигрид.

Выпучив глаза, она замычала и дёрнула головой, пытаясь освободиться.

— А ну, тихо, — прошипел он едва слышно, приблизив к ней своё лицо. — Конунг пожалел тебя, но станешь мешаться, я не пожалею.

Вновь засвистела плетъ, Сигрид против воли зажмурилась и возненавидела себя за страх, но и второй удар пришёлся на деревянную колдобину. Немного выждав, Хакон ослабил хватку и убрал ладонь от её губ.

— Кричи, — велел он сквозь зубы.

Хрольф стеганул в третий раз, и Сигрид огрызнулась.

— Твой конунг. Тебе надо — ты и кричи, — ядовито выплюнула она, сверкнув глазами.

У Хакона во взгляде полыхнуло пламя, и она поняла, что будь его воля, плетъ опускалась бы на её спину. Но воля была не его, а конунга Рагнара. Потому, зарывав, как зверь, он отпустил её волосы и подошёл к одному из воинов, что со-

проводжали её сюда, и что-то негромко сказал.

Сигрид услышала недовольный, раздражённый выдох, но, когда плеть ударила колдобину в четвёртый раз, позади неё прозвучал сдавленный стон. Это повторилось и на пятый, и на шестой, и на седьмой разы. Толпа встречала каждый удар воплями одобрения, воин, которого заставил Хакон, изображал, будто Сигрид кричит от боли, а она стояла и смотрела на деревянный столб перед глазами и пыталась понять, для чего Морской Волк велел это устроить.

Взбешённый Хакон сказал, что конунг её пожалел, но Сигрид не верила. Она знала, что причина в другом.

Когда «наказание» окончилось, её ещё долго не отвязывали от столба, и руки у неё совершенно одеревенели. Она не сомневалась, что так Хакон выражал гнев из-за её непослушания, но Сигрид было плевать. Наконец, когда стемнело, он сам подошёл к ней и ослабил ремни.

Она чуть не застонала вслух, до того было больно, и принялась растирать запястья под довольным взглядом мужчины.

— Стало легче? — выговорила хриплым шёпотом, и Хакон вспыхнул бешенством в один миг.

Загорался он гораздо быстрее своего конунга, и Сигрид это позабавило.

Он ей ничего не сделал. Выходило, Морской Волк запретил её трогать.

Но зачем?..

— Останешься здесь, пока за тобой не придут, — отвернувшись, словно даже смотреть на неё ему было тошно, процедил Хакон. — Тебя будут стеречь, так что сбежать не пытайся. Попробуешь — привяжу к столбу, как шавку. Будешь вопить — засуну в глотку кляп. Ясно?

Как же он бесился, как же противно ему было с ней нянчиться, как же поперёк горла ему стал приказ конунга.

Сигрид сделалось так весело и легко, что она негромко засмеялась, любуясь, как багровеет лицо мужчины.

— Ясно, — сказала нарочито кротко, чтобы побесить его.

Хакон смотрел на неё ещё с минуту, ожидал, что она даст ему малейший повод воплотить угрозы в жизнь, но Сигрид молчала. Надерзить ей хотелось отчаянно, но куда сильнее хотелось, чтобы мужчина бесился. И потому она молчала.

Взаперти она просидела почти три дня. Ей приносили пищу и воду дважды в день и даже поставили деревянное ведро для других нужд. Сидеть и маяться от скуки было тяжело, но Сигрид не жаловалась. Валяться в беспамятстве с испортой спиной было бы куда тяжелее.

Только вот она по-прежнему не знала, какую цену заплатит за наказание, которое не случилось, и потому с недовольным нетерпением ждала прихода конунга.

И утром четвёртого дня услышала снаружи знакомые шаги.

Сигрид поднялась с сена и попятилась к стене. Она смотрела на вошедшего конунга настороженным волчком, буд-

то в любую минуту готова кинуться и укусить руку, что к ней протянется. Рагнар, шагнувший внутрь, казался слишком большим для этой тесной лачуги: его макушка почти задела притолоку.

Он остановился посреди хижины, упёр кулаки в бока. На нём была простая шерстяная рубаша с широким воротом и тёмный плащ, пахнувший морской солью и дымом костра. Он смотрел на Сигрид спокойно, слишком спокойно, и это тревожило сильнее крика. Позади него шагал недовольный Хакон. Стоило ему увидеть рыжую воительницу, и его лицо скривилось, словно он отведал кислого молока.

— Отчего твой брат так жаждет твоей смерти? — спросил Рагнар негромко.

Сигрид прикусила язык и взглянула на конунга исподлобья. Нынче тот казался таким спокойным. Словно дал себе зарок во что бы то ни стало добиться от неё ответа, а потому запасся терпением.

Её упрямое молчание разозлило Хакона — тот выругался сквозь зубы, но Рагнар только прищурился, будто ждал чего-то.

— Откуда ты узнала, что в том фьорде будут мои драккары? — он не отводил от неё пристального взгляда, и Сигрид с досадой почувствовала, что ему не нужны были её ответы.

О многом он догадался сам, потому и велел якобы выпороть её, чтобы Фроди услышал, а потом отправил Хакона, чтобы её не наказали.

Она фыркнула, прямо сжав губы.

— Это Фроди приказал? — Рагнар сделал шаг ближе. — Затаил зло потому, что за него не отдали мою сестру Рагнхильд?

Об этом унижении братца она тоже слышала. Все их поселение слышало, и кто-то даже смеялся. Фроди позарился на дочь и сестру конунгов, чего же он ожидал?..

С тоской Сигрид вспомнила о собственных сёстрах и матери. У них не осталось никого, кто бы их защитил, кроме неё, а нынче она ни на что не годна.

Она чувствовала на лице взгляд Рагнара и почти ненавидела его за спокойствие и негромкий, давящий голос. Лучше бы он кричал и бесился, как Хакон, что стоял позади конунга и исходил гневом. Молчание Сигрид его злило, и он кипел, как котёл над костром. А Рагнар стоял, будто выточенный из скалы: неподвижный, суровый, с глазами, что смотрели прямо в душу.

Она вновь ничего не ответила и услышала хмыканье.

— Нынче ты и на четверть не так дерзка на язык и храбра, как была в том фьорде.

Морской Волк хотел раззадорить её. Сигрид понадобилась вся воля, чтобы проглотить слова, что рвались с языка. Она подняла голову: Рагнар смотрел на неё в упор и усмехался. Только глаза не смеялись. В них теплилось что-то такое, чему Сигрид не могла подобрать названия. Его взгляд опасно тлел, как горячие угли, которым достаточно одного дуно-

вения ветерка, чтобы пламя разгорелось с прежней силой.

Не напрасно про Морского Волка говорили, что он слишком горяч для сурового севера. Это из-за его матери, которая была дроттнинг русов, и которую его отец привёз в Вест-фольд много зим назад. Именно от неё сыну досталась горячая кровь и сумасбродство.

— Фроди обманул тебя. Предал. Заманил в ловушку. И сделал моей рабыней, — Рагнар тяжело ронял слова, и каждое било Сигрид хлеще любой плети. — И ты по-прежнему не желаешь говорить со мной?

— А ты, конунг, что же ждёшь, что твои люди предадут тебя по первому слову? — огрызнулась Сигрид, но без былой уверенности в голосе.

Потому что Рагнар был прав, Фроди заманил её в ловушку.

Конунг усмехнулся уголком рта.

— Я не предаю тех, кто клялся мне в верности.

Она заскрипела зубами и отвернулась. Рыжие волосы упали на лицо, пряча глаза.

В хижине повисла тишина. Прежде помещение казалось Сигрид просторным, но теперь стены давили на неё, и как бы высоко она ни задирала подбородок, ей хотелось втянуть голову в плечи, пока она стояла под немигающим взглядом Рагнара.

— Кто рассказал Фроди, где будут проходить мои драккары? — спросил конунг.

Края его плаща сдвинулись, и она увидела ножны, что крепились к воинскому поясу. Где же её меч?.. Куда дел его Фроди, когда приказал своим людям снять его с неё?.. У Сигрид заболела ладонь, так сильно ей захотелось обхватить рукоять и услышать знакомый шелест вытаскиваемого из ножен меча...

— Ты будешь сидеть взаперти, пока не заговоришь, — жёстко сказал Рагнар. В его голосе впервые прорезалась злость. — Вижу, ты не понимаешь ничего, кроме плети.

Сигрид глубоко вдохнула, будто нырнула в ледяную воду, и пожала плечами.

— Взаперти так взаперти, — бросила она, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Но внутри всё горело, и он не должен был узнать об этом.

Она хотела ещё спросить, отчего же конунг не отправит её к рабыням? В прошлый раз она даже успела обменяться парой оскорблений с его любимицей, светловолосой красавицей Сольвейг. Самое время продолжить. Но посмотрела на Рагнара и не стала.

Хижина опустела. За дверью заскрежетал засов. Сначала Сигрид стояла, стиснув зубы, а потом тяжело осела на низкую скамью. Она упрямо задирала подбородок даже перед пустыми стенами, но внутри её точила тоска.

Иногда она вставала и ходила взад-вперёд, меряя шагами крохотное пространство. Слышала, как снаружи шумит море, как хлопают по стенам порывы ветра. В ушах стояли во-

просы Рагнара, кожей она чувствовала его взгляд.

Мало ему было её унижений, так он решил запереть её в хижине, словно какую-то домашнюю скотину! Но напрасно конунг думал, что добьётся этим чего-то. Он ничего о ней не знал, совсем ничего.

Сигрид пробыла в хижине долго, теряя счёт времени. Снаружи шагали люди, иногда слышались крики и смех, но к ней никто не заглядывал, кроме Хрольфа, что приносил еду в деревянных мисках. Она ела мало, больше для того, чтобы не свалиться с ног, а не от голода. Всё внутри было занято другим — желанием вырваться.

Пытаться открыть дверь она не стала. Знала, что снаружи по-прежнему находился приставленный Рагнаром воин, и потому Сигрид, не смирившись, обошла хижину, осмотрела щели между брёвнами. Отыскав доску, что держалась слабее других, она попробовала её расшатать. Принялась тянуть, подцепила ногтями, но дерево было старое и крепкое, намертво вросшее в общий венец. Доска даже не шелохнулась, а вот ладони Сигрид в кровь расцарапала щепками.

Оставив стены, она опустилась на земляной пол. Попробовала рыть руками мёрзлую почву в углу, но, схваченная холодом, та была каменной. Пальцы сразу заоченели и больно цеплялись за мелкие камни.

От злости и бессилия ей захотелось завывать. Сигрид замерла, тяжело дыша, и прижалась лбом к холодным доскам. Именно тогда она услышала непривычно громкие, взволно-

ванные и радостные голоса, что доносились снаружи. Она прильнула лицом к щели, пытаясь разглядеть, что творилось в поселении и на берегу.

С места, где стояла хижина, вода не была видна, но зато взгляду открывалась утоптанная тропинка, что вела от пристани к Длинному дому. И вскоре по ней потянулись явно не здешние мужчины. Сигрид узнала их не сразу, но память подсказала: она видела этих людей раньше, когда ездила с отцом на тинги вождей.

Она узнала Эйрика по прозвищу Медвежья Лапа. Его невозможно было спутать: лицо всё в шрамах от когтей, а плечо опущено набок. Затем Торлейва Рыжебородого и Йо-ара Камнеголового, который на тингах спорил громче всех и бил кулаком по щиту так, что казалось — треснет дерево. Но за Рагнаром он шёл безоговорочно, словно младший брат за старшим.

Все, кто прибыли в Вестфольд, были ярлами (доверенные лица) конунга.

Нетрудно было догадаться, что замыслил Рагнар. Он собирал войско. Потому и велел своим людям явиться.

На третий день, когда ручеёк ярлов иссяк, самым последним прибыл ещё один человек. Шёл он рядом с Рагнаром, и даже если бы Сигрид никогда прежде не встречала их обоих, всё равно увидела бы в них родство. Те же плечи, будто высеченные из камня. Та же тяжёлая поступь воина.

Но у Харальда Сурового волосы были присыпаны сереб-

ром, а в морщинах на лице отражались прожитые бури. Рагнар рядом с отцом казался моложе и горячее, но в шаге, в повороте головы была та же сила.

Сигрид отпрянула от стены, прижавшись спиной к холодным доскам. Ее сердце громко билось, будто оно тоже услышало шаги двух конунгов и узнало в них надвигающуюся бурю.

Глава 7

— Значит, сын конунга Ульва спутался с данами.

Рагнар искоса взглянул на отца. Целый день прошёл в громких спорах с ярлами, и лишь под вечер они остались вдвоём.

— Фроди нынче зовётся конунгом, — усмехнулся он краем губ.

— Сперва хорошо бы стать конунгом, а уж потом им зваться, — проворчал Харальд и вытянул ноги поближе к огню.

Они сидели на лавках, покрытых шкурами, у очага в самом конце Длинного дома. Давно закончились и споры, и сытная трапеза, и даже рабыни и слуги разошлись по своим углам, а отец и сын по-прежнему глядели на огонь.

— Ты наверняка знаешь? Про данов?

— Почти, — нехотя сказал Рагнар.

— Этого мало, чтобы обвинить его на тинге вождей.

— Мне не нужен тинг вождей и не нужно его обвинять. Я разобью его сам.

Огладив короткую, густую бороду, конунг Харальд посмотрел на сына.

— И тогда против тебя ополчатся не только даны.

— Плевать, — Рагнар свирепо дёрнул плечом. — Я разобью их всех. Не этого ли ты сам хотел, отец? Объединить се-

вер, и чтобы у нас был один правитель.

— Тебя прозвали Морским Волком, а следовало прозвать Безумным, — ответил Харальд. — Тебе было достаточно зим, чтобы помнить день, когда я отказался от этой затеи.

Рагнар тряхнул распущенными волосами, и они упали ему на плечи. Он не только помнил тот день, он был на драккаре рядом с отцом, когда его хирд (дружина) сошёлся с объединённым войском конунгов, земли которых Харальд Суровый не смог покорить. Эта была долгая и кровавая битва, а закончилась она... миром.

Измученные люди с обеих сторон договорились остаться при своём. Харальд Суровый пообещал не захватывать новые земли и фьорды. Его противники пообещали не требовать назад то, что он уже успел покорить.

Рагнару было тринадцать, и тогда он поклялся сам себе, что однажды превзойдёт отца и сделает то, что конунг Харальд не смог. Покорит Север. Объединит его.

С той поры минуло ещё одиннадцать зим, семь из которых Морской Волк потратил на исполнение своей клятвы. Очень быстро он стал конунгом в своём праве, без оглядки на доблесть и достижения отца. Оставалось ещё множество не завоёванных земель и фьордов, и Рагнар отправился покорять их. Когда ему минула двадцать первая зима, Харальд отдал сыну Вестфольд — поселение, которое звал своим домом — а сам с женой, дочерью и младшим сыном перебрался южнее. Там было теплее, а ещё — спокойнее.

— Ты не думал, что Север тебе не по зубам? — спокойно спросил Харальд.

Вспыхнув ярче, огонь из очага заиграл на лице Рагнара глубокими тенями.

— Не думал, — ответил он, стиснул кулаки и посмотрел отцу в глаза.

— Это хорошо, — тот усмехнулся. — И что ты станешь делать? Если Фроди сговорился с данами, это не просто угроза тебе. Это угроза всему, что у нас есть. И югу тоже.

На юге жили мать и сестра Рагнара. Там же на отцовском драккаре ходил его младший брат Бьорн.

— Созови тинг, Рагнар, — повторил Харальд. — Не позволяй гордости затмевать разум.

— Как я его созову? — с досадой спросил тот и с силой растёр ладонью лицо. — Мне нечего им сказать. Никто не подтвердит мои слова. У меня есть только домыслы.

— Так разговори рыжую дочку конунга.

Рагнар чуть было не огрызнулся: попробуй, отец, разговори её сам. Но сдержал себя в последний миг.

— Она молчит.

Сигрид провела в хижине десять дней. Множество раз пыталась сбежать и ни разу не послала за ним, не сказала, что согласна поговорить.

Харальд пристально посмотрел на сына, что-то обдумывая, а потом усмехнулся со снисхождением, словно рядом с ним сидел мальчишка, а не взрослый муж.

— Ты её унизил. Твой враг сделал её твоей рабыней, и два хирда были тому свидетелями. Чего ты ждал, сын? Что она приползёт к тебе на брюхе?

— Она и её люди пытались меня убить. Я должен был её отпустить? — на сей раз Рагнар огрызнулся. — Я её и пальцем не тронул, она должна быть благодарна.

Снисхождение во взгляде отца взбесило его невероятно.

— И как? — поинтересовался Харальд, не скрывая улыбки. — Выходит у тебя задуманное? Девчонка уже покори-лась?

Рагнар почти зарычал.

Сигрид молчала, а без её слова против Фроди на тинге вождей сказать ему будет нечего. Потому он и его ярлы уже какой день спорили до посинения, до хрипоты.

Нет, каждый хотел отправиться в поход, ведь это принесёт серебро, добычу, почёт и новые земли. И каждый был не прочь наказать Фроди за дерзость: тот одним из первых нарушил хрупкий мир, пытался убить чужого конунга. Но сделал это исподтишка, и обвинить его было не в чём. А коли Рагнар нападёт открыто, против него и впрямь могут ополчиться другие вожди, которые давно жаждут его крови, давно хотят утихомирить Морского Волка.

Желательно — навсегда.

И Рагнар мог скрежетать зубами и сжимать кулаки, но в душе он признавал правоту отца. Ему нужна Сигрид, нужно её слово против брата. Он обвинит Фроди, он выступит про-

тив него, рыжей воительнице довольно будет лишь подтвердить, что всё так и было, что её брат сговорился с данами и пытался убить Рагнара.

— Отпусти её, — поглядывая на сына, чьи мучения были видны по лицу, посоветовал Харальд. — Отпусти и не трогай. Сделай так, чтобы она сама пришла к тебе.

Рагнар мрачно покосился на отца и повёл плечами. Он прикажет открыть засов на двери хижины, и девчонка упорхнёт из неё в тот же миг. И хорошо, если сбежит. А если сцепится с кем-нибудь? Заденет своим дерзким длинным языком кого-то из его ярлов? И ему придётся по-настоящему её наказать?

Рагнар знал это упрямство, знал этот огонёк безумия в глазах Сигрид, потому что видел его в собственных, когда вглядывался в своё отражение в гладкой воде. И потому он также знал, что никакая боль её не проймёт. Достаточно было вспомнить, как она дерзила ему, когда проиграла ту стычку во фьорде. Или как смотрела, когда Фроди привёз её в Вестфольд и отдал Рагнару. Губы были уже разбиты, на скуле проступил огромный синяк, но рыжей девке было плевать, что её могут ударить вновь.

Она просто не боялась. И добиваться чего-то от неё силой было без толку.

И Рагнар знал это и без советов отца. Только вот он никогда не признается, что её горящие непокорством глаза будили в нём что-то... звериное. Буйное. Тёмное.

Обычно это просыпалось в нём во время сражений, и тогда он без устали разил врагов мечом, первым прыгал на вражеский драккар, не боялся ни смерти, ни боли, ни ледяной воды. И тогда он упивался схваткой, и брызги крови разлетались вокруг, и к нему боялись подходить даже свои, что уж говорить про чужих.

Но схватка заканчивалась, и зверь — так Рагнар называл его — исчезал. Уходил, довольно и сыто урча. До следующего раза.

И вот он смотрел на Сигрид, как она насмешливо кривила губы, как не опускала взгляда, как сдувала с лица непокорные рыжие пряди, как смела гневно сверкать на него своими глазищами, и слышал низкое, утробное рычание просыпавшегося зверя.

Который требовал только одного: подчинить, покорить, сломить.

А Рагнар не привык идти на поводу у зверя нигде, кроме сражений. И не собирался изменять своим привычкам из-за какой-то рыжей воительницы.

— У меня ещё остаются пленённые даны, — глухо сказал он. — И их драккар. Тинг вождей не может зависеть лишь от слов одной... девки.

Назвать Сигрид рабыней у него не повернулся язык.

— Их главарь сказал, что носит копьё за Сигурдом Жестоким. И пригрозил, что тот уничтожит меня, отправит кормить рыб на дне, — добавил Рагнар.

По лицу Харальда пробежала гримаса, пусть он и слышал это не в первый раз. Его сын мог быть конунгом в своём праве, но для него по-прежнему оставался сыном.

— Асгер говорил при Хаконе и при других. Уверен, не постесняется повторить и на тинге вождей.

— И против данов тебе это поможет. Но не против Фроди. И не против предателей в твоём собственном хирде. Кто-то ведь выдал ему твои планы.

— Это так, — Рагнар вздохнул и, уперевшись ладонями в бёдра, резко взвился на ноги. — Уже поздно, отец. Идём отдыхать.

Харальд, всё ещё сидя на скамье, посмотрел на сына.

— Ты так и не вспомнил её, да? Рыжую Сигрид. Тогда вы были совсем детьми.

— О чём ты? — нахмурившись, Рагнар подался вперёд и впился в Харальда вопросительным взглядом.

— О том, как ты её спас, — и отец довольно хмыкнул.

Неудивительно, что Рагнар забыл. Отец сказал верно: тогда они были совсем ещё детьми. Ему едва исполнилось восемь.

Они возвращались из родных земель матушки, гостили у её младшего брата, который в ту зиму стал князем. Шли на нескольких драккарах и ладьях, и когда они проплывали по узкой заводи далеко от Вестфольда, Рагнар слышал тихий писк. Дело было ранним утром, стоял густой туман, и на кораблях почти все спали. А он проснулся, и сам не ведал, от-

чего. Словно что-то ударило его, заставило вскочить и подойти к борту.

Писк был настолько тихим, что сперва Рагнар помыслил, с ним играют злые духи. Но звук повторился, жалобный и упорный, и он пошёл к кормчему. Ему не поверили, и от него отмахнулись. Сын конунга или нет, для них он был сопливый мальчишка с выдумками. Тогда Рагнар сунулся к отцу, и конунг Харальд, хмурясь, всё же подошёл к борту и прислушался.

К облегчению мальчишки он уловил скулёж. Но нахмурился, решив, что это или ловушка, или и впрямь недобрые причуды божества. Откуда бы посреди сырости и тумана взяться плачу? Заводь была Харальду хорошо знакома, он знал каждую протоку, каждую ветку на берегу. Выругавшись про себя, конунг велел гребцам сесть на вёсла.

Рагнар прирос к палубе, глядя на отца во все глаза. Он мыслил, тот велит плыть на звук, а конунг приказал отплыть как можно дальше.

— А если там зверь? Или человек? — Рагнар вцепился ему в руку.

— Откуда бы здесь взяться зверю и человеку? — Харальд покачал головой.

— Не узнаем, коли не поглядим! — горячо произнёс мальчишка.

Конунг, заметив дикий огонёк в глазах сына, строго велел.

— И думать не смей. Выдеру.

Он отошёл к кормчему на другой край палубы, когда за его спиной раздался всплеск. Это Рагнар, раздевшись до полотняных порток и рубахи, бросился с борта в ледяную воду и поплыл в сторону, откуда доносился звук.

Догнать и затащить его обратно было нетрудно. Любой воин справился бы за два гребка, но Харальд решил проучить непослушного сына и не стал приказывать нагонять мальчишку. Вместо этого он велел повернуть драккар и отправиться следом за Рагнаром, что барахтался в воде.

Но вскоре удивились все и даже конунг, ведь впереди показался островок, неведь откуда взявшийся в заводи. А на том жалком клочке земли отчаянно дрожала и ревела чумазая, мокрая до нитки замарашка-девчонка.

Пока плыл к островку, Рагнар продрог и вскоре жестоко заболел, свалившись с жаром на месяц. Тогда Харальд впервые испугался за сына так, как не боялся в битве. И потому даже наказывать его не стал. Пусть и ослушался.

От своей нечаянной находки у Рагнара остались только смутные воспоминания, он не запомнил ни её имени, ни лица.

А теперь оказалось, с островка посреди заводи он спас Сигрид. Не такую дерзкую, но зато очень плаксивую.

— И впрямь не помнишь? — закончив рассказывать, прищурился Харальд. — Её в ту заводь на лодке как раз Фроди и заманил.

— Не помню, — Рагнар потёр переносицу.

В его памяти не осталось ни лица, ни имени. Только туман, холод и отчаянный писк.

— Диво, что конунг Ульв не прибил Фроди за такое.

— У Ульва уже тогда было три дочери от жены, куча девчонок от рабынь и только один сын. Пожалел его, — Харальд развёл руки.

«Чтобы тот подрос и избавился от сестры уже наверняка», — подумал Рагнар мрачно.

На другое утро он отыскал Хакона ещё до трапезы, и вдвоём они отправились к хижине, где взаперти сидела Сигрид.

— Донеси до каждой рабыни, до каждого слуги, чтоб не смели её задирать. Вообще с ней говорить не смели, — широко шагая по присыпанной снежной крошкой земле, говорил Рагнар.

На нём была плотная шерстяная рубаша глубокого синего цвета, подпоясанная кожаным ремнём с массивной пряжкой, а сверху плащ, застёгнутый на медную фибулу. Подол его был мокрым от тающего снега. На ногах высокие сапоги из мягкой кожи, потемневшие от сырости.

Длинная северная зима близилась к концу, и в воздухе стоял сырой запах весны. Ветер сделался мягче, и в его порывах уже слышался шёпот приближающегося тепла. На рассвете небо стало светлее, прозрачнее, и даже холодные волны фьорда казались не столь угрюмыми.

Хакон шёл рядом, сутулясь от ветра, что трепал подол его плаща. Он повернул к конунгу худое, жилистое лицо. Некра-

сивый шрам шёл через всю щеку, и когда мужчина хмурился, тонкая кожа вдоль рубца натягивалась, причиняя боль.

— Она перессорит половину Вестфольда, — сказал он хрипло. — Вокруг твои ярлы, а рыжая девка не станет молчать.

Рагнар резко втянул носом воздух.

— С ярлами я поговорю сам, — коротко бросил он.

Когда они подошли, стороживший её воин склонил голову. Конунг сам откинул засов и распахнул дверь, впустив в хижину свет и упоительно свежий ветер. Рыжая воительница стояла в дальнем углу и сжимала в кулаке не то камень, не то обломок доски. Её настороженный взгляд скользил с лица Рагнара на Хакона и обратно. Из-за резкой вспышки света её глаза слезились, но она старалась не моргать часто.

— Выходи, — сказал Рагнар. — Можешь ходить по Вестфольду, куда вздумается, но если попробуешь сбежать — тебя поймают.

Сигрид не сдвинулась с места, только крепче сжала нехитрое оружие. Рагнар замер в дверном проёме, скрестив на груди руки. Он чувствовал, как за спиной исходил недовольством Хакон, ведь рыжая по-прежнему стояла в углу.

Он же прищурился и спокойно пожал плечами. Не прибавив больше ни слова, развернулся и зашагал к Длинному дому.

— Конунг! — окликнул его воин, который растерянно смотрел на хижину. — Проследить за ней?

— Нет, — отозвался Рагнар, не сбавляя широкого шага.
— Пусть делает что хочет.

С ярлами о сумасбродной девке он поговорил тем же утром за трапезой, и его слова не всем пришлись по нраву.

В Длинном доме стоял гулкий шум. На столах дымилось мясо, пахло свежим хлебом и мёдом. Мужчины сидели плечом к плечу, у кого-то в руках был кубок, кто-то жевал, не переставая слушать конунга.

— Коли меня заденет, я молчать не стану, — нахмурился Торлейв Рыжебородый. — Оскорбления спускать не привык. Его поддержали одобрительным гулом.

— Мягко ты с ней, конунг, — посетовал Эйрик Медвежья Лапа, хлопнув ладонью по столу. — Чего возиться? Давно бы... — и он выразительно провёл рукой по шее.

— Я всё сказал, — отчеканил Рагнар. Голос его перекрыл гул.

С ярлами управляться было всегда непросто. Здесь, на Севере в вождях не терпели слабаков, и люди шли за ним потому, что он был удачлив в бою и всегда щедро делился добычей, а не потому, что конунгом был ещё его отец. Но они не клялись ему в верности до смерти, и каждый мог бросить Рагнару вызов или уйти от него к другому вождю. Его ярлы были вольны распоряжаться собой, и держать их в узде было непросто.

Он знал, что скоро они вернутся в свои земли. Войны с данами не миновать, и им придётся выставить войско. Ярлы

должны будут обеспечить его людьми и драккарами. В Вест-фольде они пробудут не дольше нескольких дней, и Рагнару хотелось надеяться, что в самом начале, дорожа внезапно обретенной свободой, Сигрид поостережётся всем дерзить.

После трапезы он пошёл к отцу. Харальд Суровый выслушал его молча и только кивнул: решено, он отправится на юг за женой и дочерью. Надвигалась буря, и здесь, в самой середине их обширных владений, будет спокойнее, чем на границах, пусть и дальних.

Казалось, остаток дня прошёл спокойно, но уже к вечеру Рагнар услышал имя Сигрид вновь.

Глава 8

Сигрид долгое время просидела в хижине. Никто не называл бы её трусливой, но, прежде чем выйти, следовало набраться решимости. Она подумала сперва, что всё услышанное — жестокая издевка Морского Волка. Стоит ей ступить за порог — и на неё набросятся, скрутят его воины и вновь закинут в хижину. Но потом же собственные подозрения отринула. Рагнар был конунгом. Недостойно для него было бы так над ней смеяться.

Правда, Фроди тоже звался конунгом...

Подслеповато щурясь отвыкшими от яркого света глазами, Сигрид вышла из хижины. Она не знала, но представляла собой жалкое зрелище: свалывшиеся грязные волосы, которых давно не касался гребень; разводы на щеках, пятна крови, что за долгие дни въелись намертво в измятую, выпачканную одежду.

Часто-часто моргая и чувствуя, как на глазах выступили слёзы, Сигрид огляделась. Хижина, в которой её держали, стояла на самом отшибе, на вершине холма, и теперь Вест-фольд лежал, раскинувшись, у неё под ногами. Она в который раз подивилась его величию.

Прямо как в Гардарики (так скандинавы называли Древнюю Русь, «страна городов»).

Отец рассказывал Сигрид, что там люди жили в огромных

общинах, которые звались гардами (городами). Все говорили, что конунг Харальд выстроил Вестфольд похожим на далёкую родину своей жены.

Некоторое время Сигрид неподвижно стояла на месте, осматриваясь. Что ей теперь делать?

Вестфольд лежал в глубокой низине фьорда. В отличие от её родного селения, где тропы вели в разные стороны, и враг мог подступить и с суши, и с воды, Вестфольд был почти неприступен. За спиной Сигрид тянулись горы, дикие и лесистые, будто каменная стена. Впереди — море. Узкий, извилистый выход из фьорда охраняли драккары.

Напасть можно было только с воды. Но каждый, кто рискнёт войти в фьорд, будет замечен задолго до того, как приблизится к берегу.

От этого вида Сигрид стало не по себе. Казалось, что Вестфольд был спрятан в каменной ловушке: один вход, один выход. Уйти отсюда было почти невозможно, сбежать ей будет очень трудно.

Сигрид стиснула зубы и равнодушным взглядом мазнула по воинам, что охраняли подступы к поселению со стороны леса. Приближаться к ним будет глупо. А она уже столько глупостей сделала, что на две жизни хватит.

Желудок неприятно сжался и завыл от голода.

«Можешь ходить по Вестфольду, куда хочешь», — сказал ей Морской Волк и ушёл.

Обо всём остальном она, верно, должна была догадаться

сама!

Сигрид с досадой прикусила зажившую недавно губу. Он бы ответил ей, если бы она спросила. Но она скорее откусила бы себе язык, чем заговорила бы с ним. Гордыни в ней было столько, что с избытком хватило бы на пятерых.

Вестфольд кишел чужими ярлами — Сигрид наблюдала за ними из хижины. Морской Волк задумал новый поход. Знал ли об этом Фроди?.. Понял ли он, что Рагнар раскусил его? Догадался обо всех его замыслах.

Кажется, её поселение ждала новая война, в которую их всех втянул её глупый брат! Сигрид подавила тоскливый вздох. Как там Кнуд Медвежонок? Как матушка и сестры? Она надеялась, что старый друг не даст их в обиду, а Фроди не вздумает их обижать, ведь она была такой покорной всё время, что он провёл в Вестфольде, какой не была никогда.

Дрожь унижения пробрала Сигрид до самого нутра. Она уповала на милость Одина, что однажды поквитается с братом за всё, что он сотворил.

Наверное, рассказать Морскому Волку правду было проще всего. Но он ведь сотрёт её поселение с лица земли, когда узнает, что Фроди спутался с проклятыми данами. Не пожалеет никого. Ни детей, ни стариков, ни — тем более! — взрослых мужчин. А те не сдадутся, Сигрид хорошо знала, какая горячая кровь кипела в Медвежонке Кнуде. Он никогда не сложит оружие, ни он, ни его десяток.

И они все умрут.

А ещё... ещё Морской Волк её унизил, и этого она ему никогда не забудет. И потому помогать ему Сигрид не станет! Лучше голыми руками будет грести и уплывёт из фьорда, чем скажет Рагнару хоть слово!

— Эй... рыжая...

Голос толстухи Йорунн заставил Сигрид замедлить шаг. Она как раз спустилась до невидимой границы, за которой начинались дома и хозяйственные постройки, когда её нагнала смотрительница за рабынями. Грузная женщина недобро шурилась и стояла, уперев руки в тучные бока.

— Идём со мной, — недружелюбно бросила Йорунн, но Сигрид не сделала и шага.

«Можешь ходить по Вестфольду, куда хочешь», — сказал ей Морской Волк.

Она знала, что он обманул её! Знала! Но если толстуха мыслит, что Сигрид вернётся к рабьям, то её ждёт горькое, болезненное разочарование.

Видя её непокорство, Йорунн скривила губы.

— Велено было отмыть тебя да одежду дать, — пояснила та, всем видом показывая своё недовольство. — Так что или за мной ступай, или ходи вонючей.

Выходит, не обманул?..

Эту мысль Сигрид быстро отогнала и молча направилась за Йорунн. Они прошли Вестфольд насквозь и остановились у низкой хижины без окон. Из щели в крыше вился белёсый пар.

— Вот, — проворчала Йорунн, отворяя скрипучую дверь плечом. — Честь, словно ты дротнинг какая. Ради тебя затопили.

Внутри было душно и темно. Сразу ударил в лицо густой пар, горячий и влажный, пахнувший мокрым деревом и камнем. У дальней стены чернели округлые валуны, сложенные в кучку.

Сигрид остановилась на пороге, щурясь сквозь белые облака. Для неё это было непривычно: в её родном селении мылись в реке или же грели воду в кадках.

— Ну, чего встала? — хмыкнула Йорунн. — Раздевайся, воительница.

— Попридержи язык, толстуха, — ласково отозвалась Сигрид.

Пар обволакивал, лип к коже, и она впервые за многие дни ощутила не холод и сырость, а жар, от которого кружилась голова. Она шагнула внутрь, и за её спиной хлопнула дверь.

Йорунн подтащила к очагу тяжёлое ведро, зачерпнула ковшом и с силой выплеснула воду на камни. Те взорвались жарким шипением, и пар, густой, как молоко, обдал женщин с головы до ног.

— Давай, снимай тряпье, — проворчала она, — от тебя воняет, будто от мокрой псины.

Сигрид с вызовом встретила её прищур, но пальцы сами собой потянулись к завязкам на грязной рубахе. Ткань прилипала к телу, и когда она стащила её через голову, с облег-

чением вдохнула — словно сбросила не только одежду, но и тяжесть последних дней.

Йорунн с любопытством рассматривала её обнажённое тело. А поглядев на спину, на которой не было следов от недавней якобы порки, понятиливо хмыкнула.

— Воительница, говоришь? Хм. Мяса мало, зато спеси много. Одни кости торчат да рубцы.

— Мяса достаточно, чтоб твою тушу повалить, — фыркнула Сигрид.

К её удивлению, женщина рассмеялась. Потом, не спрашивая, схватила кувшин и плеснула на Сигрид сверху водой. Та охнула, задохнувшись. Горячие капли стекали по её плечам и спине, оставляя на коже красные следы, и впервые за долгое время Сигрид почувствовала, что грязь с неё действительно смывается.

— Вот так, — сказала Йорунн тоном хозяйки, довольной своей работой. — Гляди, так и девкой смазливой станешь. А то конунг, поди, пожалел, что такую дикарку в плен взял.

Сигрид молчала. Она стояла в клубах пара, мокрая, с растрёпанными рыжими волосами, и, стиснув зубы, думала только об одном: вымоется, наденет чистую одежду и тогда начнёт искать путь к свободе.

Йорунн ещё несколько раз облила Сигрид, и та смыла с себя остатки грязи, и тяжесть прошедших дней будто бы сошла вместе с серой водой, стёкшей в щели пола.

Толстуха сунула ей в руки чистую одежду: грубую, но све-

жую рубаху и штаны. Сигрид пришлось туго-туго перетянуть их поясом, чтобы не сваливались с бёдер. Ткань неприятно тёрлась о кожу, но после грязных тряпок это казалось почти роскошью. Сев на лавку, она с трудом распутала рыжие волосы, прочесала их пальцами, затем гребнем и уложила в простую косу. На миг Сигрид позволила себе забыть, что находится в плену: тепло, чистота и свежая одежда возвращали ощущение, будто она снова была дочерью вождя, а не рабыней Морского Волка.

Но миг прошёл быстро.

— Ну вот, — буркнула Йорунн, скрестив на груди пухлые руки и смерив её придиричивым взглядом. — Теперь хоть на девку похожа.

Не дождавшись ответа, она пожевала губы и кивнула на дверь.

— Идём, покажу, где спать будешь. И чтоб больше не чудила, конунг тебя трогать не велел, но и сама не нарывайся, целее будешь.

Толстуха уже вышла наружу и зашагала по утоптанной тропинке, а Сигрид всё стояла и смотрела ей вслед, и в голове у неё звучали последние слова Йорунн.

Стало быть, конунг трогать её не велел?

Что же, весьма удачно!

Угол ей выделили в женской части Длинного дома. Она так и не поняла, кто спал вокруг: рабыни или свободные,

ведь днём никто не разлёживался, все жители были чем-то заняты. Об этом же думала Йорунн, озабоченно разглядывая Сигрид.

— Ты что делать-то умеешь, окромя как мечом махать? — поинтересовалась толстуха.

— На драккаре ходить. Хочешь, покажу? — та подбоченилась и тряхнула рыжими, блестящими на солнце волосами.

— Ты говори да не заговаривайся, — спокойно посоветовала Йорунн. — Да помни, что цела осталась только благодаря нашему конунгу. Он тебя, как я погляжу, пожалел, а может, надо было выпороть, сразу бы язык укоротился.

— Ты бы не болтала об этом, — в свой черёд посоветовала ей Сигрид.

— Я что ополоумела, по-твоему? — хмыкнула толстуха. — Но и ты дерзость спрячь да отвечай, что делать умеешь. Не то к конунга отправлю, пусть сам с тобой разбирается.

Встречаться с Рагнармом Сигрид не хотела. Да и без дела сидеть — тоже, и так уже чуть не на стены хижины лезла да выла от скуки. А ещё можно было всё с пользой для себя обратить. Придумать занятие, которое поможет ей сбежать.

— Я крепкая, — сказала она и оскалилась, услышав усмешку толстухи.

Мол, видела она, какая Сигрид крепкая, когда смотрела на её обнажённое тело.

— Могу сети таскать, добро с драккаров носить. В кузни-

це тоже могу помогать. Ну, или сопляков ваших учить драть-ся.

Йорунн закатила глаза, всем видом давая понять, что её воля — и Сигрид или бы сидела связанная в хижине, или чистила бы рыбу наравне со всеми.

— Идём уж, — буркнула толстуха и отвела её к кузне.

Та стояла на отшибе, рядом с сараем. Возле открытого проёма густыми клубами валил дым, и звон молота разносился по Вестфольду.

Йорунн остановилась у самого порога и крикнула.

— Эй, Трюгви!

Наружу вышел немолодой мужчина с плечами, будто вытесанными из дуба, и руками, чёрными от копоти. Седина пробивалась сквозь волосы и бороду, глаза были выцветшие, как море в ненастье. Он вытер ладонь о кожаный фартук и недовольно уставился на Йорунн, потом перевёл взгляд на Сигрид. В глазах вспыхнуло узнавание.

— Что нужно? — буркнул он.

— Привела тебе... помощницу, — сказала толстуха.

Кузнец нахмурился и хмыкнул.

— Мне баба здесь ни к чему. Пусть идёт рыбу чистить.

— Приказ конунга, — отрезала Йорунн, уперев руки в бока. — Или забирай её, или сам говори Морскому Волку, что отказываешься.

Трюгви поморщился, пробормотал себе под нос что-то про дурные времена и, неохотно махнув рукой, велел.

— Ладно уж. Но глаз с неё не спущу и ни к чему путному не подпущу.

И пока Сигрид силилась спрятать недовольную гримасу, Йорунн одобрительно кивнула.

— Так и надо с ней! Глаз да глаз нужен, наслышан, поди.

— Наслышан-наслышан, — пробурчал Трюггви и пома-нил рыжую воительницу рукой.

Он подвёл Сигрид к гряде старых подков, заржавевших и погнутых.

— Вот, перебирай. Те, что ещё годятся, в одну сторону клади, хлам — в другую.

Йорунн усмехнулась и, довольная, зашагала прочь. Кажется, она считала, что от навязанной доуки избавилась.

Сигрид же примерилась взглядом к подковам. Если одну умыкнуть, спрятать, а потом треснуть кого-нибудь по лбу, встанет тот нескоро.

— Гольшом работать станешь, коли замечу что-то.

Кузнец словно мысли её прочитал.

— Так что не гляди так голодно на подковки да шибче орудуй руками. Закончишь — и ступай подальше отсюда, целый день нечего у меня перед глазами туда-сюда шнырять, — сказал Трюггви.

Словно в подтверждение своих слов он добрый час глаза не спускал с Сигрид и губами шевелил всякий раз, как она бралась за подкову. Считал, может?..

Но как бы кузнец ни хотел от неё избавиться поскорее,

да и сама она надеялась улизнуть, старых железок у него и впрямь накопилась огромная гора. Даже торопясь, Сигрид разделалась с ней к вечеру, и руки у неё ныли, как после дня хорошей гребли на драккаре!

— Иди сюда, — поманил её Трюггви, когда увидел, что она рассеянно смотрит на пустую землю у себя под ногами. — Задирай рубаху, — велел строго.

Молниеносно Сигрид скрестила на груди руки и отшатнулась.

Кузнец хрипло, с надсадой засмеялся.

— Да нашто мне твои рёбра да кожа! Подними до пупа, покажи, что ничего не умыкнула.

Сигрид зло фыркнула, но подчинилась. Резким движением приподняла рубаху, обнажая впалый живот. Кузнец, хмуро прищурившись, махнул рукой.

— А тоща-то... кожа да кости... И как ты меч таскала! Ну, теперь портки закатывай до колен.

Она молча собрала ткань в кулаки.

Трюггви довольно кивнул.

— Гляди-ка, ни гвоздя, ни железки не припрятала. Ступай теперь к Длинному дому, воительница.

Она свирепо одёрнула портки обратно и, не оборачиваясь, зашагала прочь. Кулаки чесались от злости, но ещё больше от обиды: тощая, кожа да кости — вот во что превратилась дочь конунга!

А как ей не отощать?! Сперва Фроди держал её связанную

и кормил объедками. Потом — Рагнар. В хижине, в которой её заперли, яствами не баловали.

Сигрид зло скривилась. Посмотрела бы она на Трюгтви, коли встретились бы они пару месяцев назад!

До Длинного дома оставалась ещё половина пути, когда на тропинку перед ней вышел плечистый мужик. Она посмотрела на него и узнала, потому что тогда во фьорде он попытался скрутить её, а она его ранила. Присмотревшись, она различила повязку на левой руке под тёплой рубахой и плащом.

Угрюмый воин смотрел на неё так, что у Сигрид не осталось сомнений. Он хотел её смерти. Она покосилась на его пояс: меча при нём не было.

Хорошо.

— Вот так встреча, — хрипло усмехнулся мужик. — Жива, значит? А должна была рыб на дне кормить.

Он медлить не стал. Не то что бы Сигрид попыталась избежать драки, но ведь пообещала себе не нарываться, осмотреться. Не хотелось возвращаться в хижину или ходить по Вестфольду в цепях. Сбежать ей так точно не удастся.

Но воин, чьего имени она даже не знала, не оставил Сигрид выбора. Он шагнул ближе, и его кулак рванул к её лицу. Она инстинктивно ушла в сторону, и удар пришёлся в пустоту. Сильное тело повело вперёд, и она, не думая, врезала ему под рёбра.

— Дрянь! — рявкнул он, хватая её за волосы, но рыжая

воительница впилась в него, как разъярённая кошка.

Сигрид завизжала не от боли, а от ярости. Мужик был куда тяжелее и выше её, но злость придавала сил. Она впилась ногтями в его лицо, оставляя кровавые полосы, и пнула коленом в пах. Тот выругался, качнулся, но удержался. Рука его сжимала её волосы так, что, казалось, вырвет клочья с кожей.

Она ударила снова: локтем в подбородок. И, когда он инстинктивно ослабил хватку, Сигрид нырнула вниз. Нащупала голенище сапога, и пальцы наткнулись на рукоять ножа. Одним рывком выдернула его и, не раздумывая, полоснула по бедру.

Мужик взвыл, хватаясь за рану, а Сигрид отскочила, держа нож, как коготь зверя. Грудь её ходила ходуном, губы были сжаты, а в глазах горел лютый огонь.

— Трус, — выдохнула она. — Хотел добить меня? Попробуй ещё раз.

Крик и возня уже собрали вокруг десяток свидетелей: женщины с кувшинами, мальчишки, старики, рабыни. Шёпот пронёсся по толпе.

«Она дерётся!», «Ранила его!», «Безумная девка!».

Кто-то сорвался с места и побежал к Длинному дому.

— За конунгом! Зовите Рагнара!

И Сигрид, стоя с окровавленным ножом в руке, тяжело дыша, вдруг осознала, что вот теперь ей придётся отвечать за всё.

Ей было плевать.

Безымянный мужик сидел на земле, кто-то уже перематывал ему бедро наспех разорванными повязками. Он грязно ругался, проклинал её, посылал на голову проклятья.

— Надо было добить тебя во фьорде, — сплюнула она кровь, когда встретилась с ним взглядом.

— Ты уже мертва, — пообещал он.

— Не скули, не девка, — ласково улыбнулась Сигрид.

Всего-то поцарапала слегка! Даже жилу не перерезала, а стоило. А ещё лучше — прямо в уд его попасть. Вот бы смеху было.

Гул стоял всё громче: люди тянулись к месту драки, бросив дела. Первые зеваки смолкли, уступая дорогу вооружённым воинам.

— Что за?.. — один из них нахмурился, глядя то на кровь, то на рыжую воительницу с ножом в руке.

Мужик на земле зашипел, сплёвывая.

— Она! Эта дикая тварь меня ножом полоснула!

В этот миг сквозь толпу прорвался Хакон. Его жилистое лицо было мрачным, шрам на щеке натянулся от злости.

— Что тут у вас? — рявкнул он. А увидев Сигрид, замолчал и, кажется, довольно хмыкнул. — Локи тебя раздери! Я так и знал.

— Отойдите! — крикнул кто-то сзади.

Воины нехотя расступились, открывая круг. И тогда появился Рагнар.

Конунг шёл неторопливо, но в его поступи было что-то такое, от чего людской гул стихал сам собой. Плащ с потрёпанным подолом тяжёлыми складками ложился на плечи, волосы трепал порывистый северный ветер. Он шагнул в круг, и стало очень тихо.

Взгляд его упал на Сигрид, и он мгновенно всё понял. Нож в её руке. Кровь на земле. Раненый воин, стонущий у ног. Толпа, готовая растерзать её без приказа.

Рагнар посмотрел на раненого, потом вновь на неё. От его взгляда у Сигрид пересохло во рту, но подбородок она упрямо вскинула.

— Конунг... — позвал Хакон, готовый вмешаться, но мужчина поднял ладонь и коротко качнул головой.

Морской Волк шагнул вперёд, остановился напротив Сигрид и тихо сказал.

— Опusti нож.

Голос его был ровным.

Она дёрнула подбородком и сильнее сжала рукоять. Она стояла, как загнанный зверь, готовый напасть в любой миг.

— Он первый напал, — хрипло бросила она, переводя дыхание. — Хотел добить меня за то, что было во фьорде.

Мужик на земле зашипел и попытался подняться, но его тут же осадили.

— Врёт! — прорычал он. — Она бешеная, сама на меня налетела!

Рагнар даже не посмотрел на него. Его взгляд был прико-

ван к Сигрид.

— Я сказал: опусти нож.

Сигрид смотрела прямо в глаза Рагнару. Она знала: стоит ей дрогнуть — и конец. Медленно, с презрительной ухмылкой она разжала пальцы. Нож упал на землю, звякнув в наступившей тишине.

Толпа шумно выдохнула.

Стоило ножу упасть, конунг вдруг широко ухмыльнулся и отвернулся.

— Значит, тебя побилa девка, Орн? — спросил он, широко расставив ноги и уперев кулаки в бока. — До чего жалко на тебя глядеть.

К удивлению Сигрид, раздались первые смешки. Орн зарычал, но, прижатый к земле, только яростно скрежетал зубами.

Рагнар же стоял расслабленно, посмеиваясь.

— Скоро мальчишки тебя гонять начнут, — лениво бросил он мужику.

Веселье усилилось, разрослось, перекатываясь от человека к человеку. И только Хакон кинул на конунга быстрый, недовольный взгляд, будто он был вовсе не согласен с его решением.

Рагнар махнул рукой.

— Довольно, — сказал он уже строже. — Поглазели — и будет. Расходитесь. На столах стынет мясо.

И с этими словами он развернулся и пошёл к Длинному

дому, а воины, переглянувшись, потянулись следом. Толпа рассеивалась, разговоры и смешки звучали всё громче.

Сигрид стояла, чувствуя, как в груди стучит сердце. Её не наказали. Не заковали. Не повели обратно в хижину. Она сама ещё не верила.

А Рагнар, шагая вперёд, не обернулся ни разу.

Глава 9

Той весной Одину было угодно испытать Рагнара. Именно так подумал конунг, когда следующим утром после выходки Сигрид взбесившиеся бурые медведи загрызли двух рабов недалеко от Вестфольда.

Перед лавкой, за которой сидел Рагнар, стоял спасшийся раб. Он до сих пор дрожал от пережитого страха, даже лицом постарел. Говорил он сипло, голос срывался, переходил на испуганный шёпот, словно медведь по-прежнему гнался за ним.

— Мы... мы дрова рубили, господин, — хрипел он, облизывая пересохшие губы. — Вшестером там были. Немного в чашу зашли, и там, у самой скалы... они вылезли. Огромные, будто великаны в звериных шкурах!

Мрачный Хрольф несильно толкнул его в плечо.

— Уж не выдумывай. Ещё скажи, сам Один в облике медведя тебе явился.

По Длинному дому прокатился негромкий смех. Конунг и его ярлы делили утреннюю трапезу, когда возвращение четырёх выживших рабов её прервало.

— Они голодные были, — вздохнув, продолжил рассказ раб. — Встали на задние лапы, ну прямо люди, и рёв такой подняли, что земля задрожала.

Рагнар посмотрел на Хрольфа и качнул головой, когда тот

предложил одёрнуть раба, вздумавшего слагать о нападении медведей целую легенду. Конунг решил не перебивать испуганного, трясшегося мужика, иначе никогда не закончит.

— Вдвоём набросились на одного, потом на другого... Мы бросили топоры и побежали.

Ярлы переглянулись с презрением, кто-то досадливо прокричал что-то, а Торлейв Рыжебородый не поленился, поднялся из-за стола, вышел наружу и с чувством сплюнул.

— Рабы они на то и рабы! — сурово припечатал Эйрик Медвежья Лапа.

На лице его как раз остались отметины от когтей хищного зверя, которого он изловил ещё в пятнадцать зим.

— Топоры бросили и побежали, как крысы! Они недостойны называться мужами! — громогласный голос его прокатился по Длинному дому, достигнув самых дальних уголков. — Этих трусов выпороть надо, конунг. Они потеряли твоё добро.

И без того трясущийся раб затрясся ещё сильнее.

Рагнар пристально посмотрел на Эйрика, и тот, дерзко встретив его взгляд, всё же отвернулся первым и пробормотал что-то насчёт жидкой крови, которая — всем известно — течёт у рабов по жилам.

— Где это было? — спросил Рагнар коротко. — Ты должен будешь показать.

Мужик вздумал мотнуть головой, за что получил чувствительный тычок от Хрольфа под рёбра.

— Д-да, г-господин, — заикнувшись, заблеял тот и потёр ушибленное место. — П-покажу.

— Сколько было медведей?

— Один да другой.

— Ха! — вновь не сдержался Эйрик.

Он бурно кипел от негодования и поднялся с лавки, принялся ходить из стороны в сторону.

— Уж одного бы завалили вы, трусы! — напустился он на рабов.

— Оставь их. Они потому и рабами зовутся, что ни на что не годны, кроме как брёвна таскать да рыбу ловить! — фыркнул кто-то из ярлов.

Рагнар нахмурился. Он был конунгом, и ему не полагалось верить в происки злых духов, но он не мог не думать, что двух взбесившихся медведей на Вестфольд наслал не иначе как сам Локи.

— Но даже раб может выкупить свободу, коли проявит себя, — сказал Торлейв Рыжебородый. — Эти трусили, — он указал небрежным кивком на кучку мужчин, что жались друг к другу.

— Довольно, — Рагнар встал с лавки. — Сегодня мы уже упустили время, завтра на рассвете отправимся, найдём их и убьём.

От восторга Эйрик Медвежья Лапа ударил себя в грудь.

— Слова подлинного конунга! Видит Один, я вернусь домой с новой шкурой!

— Гляди, чтоб не с новой царапиной на роже вернулся, — усмехнулся Торлейв Рыжебородый. — И так она у тебя страшна, аж глазам больно.

— Ах ты!.. — вскинулся Эйрик.

Конунг махнул на своих ярлов рукой. Оба любили позу-боскалить, и повода не нужно, лишь бы сцепиться языками. Он вернулся за стол, потянулся к чарке и отпил остывшего взвара.

— Уж зим пять не припомню, чтобы медведи нам досаждали, — негромко произнёс Хакон.

Рагнар пожал плечами и поглядел на очаг. Лишняя шкура в Длинном доме не помешает. Даже жаль стало, что медведя всего два.

— Может, недоспали, — хмыкнул он. — Если я убью медведя, это будет добрый знак.

Хакон посмотрел на него и, помедлив, кивнул. Им пригодятся любые знамения, чтобы совершить то, что замыслил конунг.

— Орн не сможет ходить несколько седмиц. И не отправится с нами в поход, — произнёс он немного погодя и буквально кожей почувствовал недовольство Рагнара, пусть тот и молчал. — Не заработает серебра для своего рода.

— Я словно с его женой говорю, — заметил конунг, нахмутив брови.

— Ко мне приходил его отец. Ты сам знаешь, он ходил на драккаре ещё с конунгом Харальдом, и...

— И это не помогло его сыну стать удачливым бойцом, — отрезал Рагнар и повернулся к Хакону всем телом. — Его одолела тощая рыжая девка. И ударила его же ножом, который Орн дал ей у себя выхватить. Будь я им, сгорел бы со стыда да сидел помалкивал, пока толки не улягутся. Но я так вижу, он решил, что может чего-то от меня требовать?

— Он попросил, — тихо сказал Хакон.

— Чего? — насмешливо фыркнул Рагнар.

— Справедливости, конунг.

— То, что я не выгнал его из хирда, уже небывалая справедливость, — в голосе его зазвенела сталь.

Хакон сжал челюсть, но промолчал. Конунг заметил это и ухмыльнулся.

— Пусть Орн лежит и думает, как девка его унизила. Может, как поднимется, станет бойцом, а не скулящим псом.

Рагнар шумно выдохнул, облокотившись на край стола. Он взял чарку и залпом допил остаток взвара.

Хакон кивнул, но в глубине его глаз промелькнуло несогласие.

— Твоё недовольство я тоже терпеть не стану, — мрачно предупредил его конунг.

— Она пыталась убить тебя, — свирепо огрызнулся Хакон. — Любого другого ты уже втоптал бы в землю, а она...

— Она мне нужна, — ледяным голосом отчеканил Рагнар. — И ты будешь об этом помнить. И если я однажды прикажу бросить меня и спасти её, ты так и сделаешь.

Они смотрели друг на друга так, пока Хакон не опустил глаза. Он тяжело вздохнул и кивнул.

— Да, конунг.

Остаток дня прошёл в неспешных приготовлениях к охоте. К полудню весь Вестфольд уже знал о предстоящей забаве. Медведи в поселении — редкость, потому разговоры о них не смолкали весь день. Больше всего радовались дети: крутились под ногами, мешались, попадали под горячую руку, придумывали, как бы им ускользнуть из-под пригляда взрослых и отправиться утром следом за охотниками...

— Пойдёшь с нами, отец? — конунга Харальда Рагнар отыскал на берегу.

Как они условились, тот спешил отправиться за женой и дочерью, чтобы, спрятав их в Вестфольде, развязать и себе, и сыну руки в предстоящей войне с данами. А что будет война, не сомневался никто.

Харальд даже мыслил отплыть в тот же день: настоящему морскому конунгу не нужно было много времени на сборы, но, услышав о медведях и охоте, решил задержаться и подождать.

На вопрос сына он хмыкнул.

— На берегу подожду. Я своё по лесу отбегал, — в его прищуренных глазах мелькнула насмешка.

Рагнар рассмеялся.

— Ты ещё не стар, отец.

Харальд посмотрел на него с задумчивостью.

— Ещё нет. Но я прожил уже немало зим.

— И проживёшь столько же! — Рагнар порывисто схватил его за плечо и сжал.

— Ну, на твоих сыновей я бы поглядел. И не от какой-нибудь рабыни.

— У меня нет сыновей от рабынь, — он скривился, подумав о Фроди.

День, начавшийся с суеты, закончился мирно. К утренней охоте всё было готово, проверены наконечники копий, подготовлены верёвки, стрелы, луки, наточены ножи. В Вест-фольде царило предвкушение: люди уже чувствовали аромат зажаренного медвежьего мяса, видели, как обрадуются и встретят вернувшегося с добычей конунга. Все же Рагнар был невероятно удачлив, за это его и любили люди.

Он же лёг спать с тёплой Сольвейг под боком и долго не мог уснуть. Вспоминал и непростой разговор с Хаконем, и недовольство ярлов, которое те высказали ему накануне, когда он забрал у Сигрид нож и велел толпе расходиться. А ещё думал, что за весь день ни разу рыжая девка не попалась ему на глаза.

Воительницу он увидел туманным утром. Они поднялись задолго до восхода солнца, и даже огонь не мог разогнать густой серой пелены. В сумерках закончили сборы, наскоро поели в Длинном доме и выдвинулись, не став затягивать.

Пойти с ним просились многие, но Рагнар сам отобрал дюжину крепких, сильных воинов. Двенадцать — счастли-

вое число, оно принесёт ему удачу.

И где-то в глубине себя он даже не удивился, когда из толпы провожавших вышла Сигрид. Только заскрипел зубами.

— Дозволь пойти с тобой, конунг, — её голос прозвучал ровно и твёрдо,

Она произносила ритуальные слова, и лишь поэтому «дозволь» сорвалось с её губ. Уж в этом Рагнар не сомневался.

Сигрид стояла прямо, её подбородок был гордо вскинут. С лица сошли синяки, рыжие волосы были заплетены в косу, а холодные, внимательные, лишённые прежней дерзости глаза глядели на него сурово и сосредоточенно.

И, к раздражению Рагнара, он поймал себя на том, что смотрит на неё не как на пленницу или воительницу, а как на женщину. Мысль эта была ему не нужна, и он тут же отогнал её прочь, нахмутив брови.

— Каждый раб может выкупить свою свободу отважным поступком, — а вот назвать рабыней себя Сигрид так и не смогла. — Я хочу попытать удачу на охоте. И если Один мне улыбнётся, я стану свободной.

Рагнар сделал глубокий вдох. Она прибегла к древнему обычаю, и отказать он не имел права, даже будь перед ним простая рабыня.

Толпа за его спиной загудела одобрительно, кто-то кивнул: людям нравилась смелость рыжей воительницы.

— Пусть будет так, — наконец сказал Рагнар.

Его голос прозвучал холодно, но внутри он кипел. Ему не

хотелось видеть её рядом, но древний обычай был сильнее его воли.

На губах Сигрид вспыхнула улыбка! И раздражение конунга усилилось.

Он круто развернулся, чтобы скрыть гримасу злости, и широким шагом двинулся к тропе, ведущей в лес.

— В путь! — бросил он, даже не оглядываясь.

И хотя слова его прозвучали уверенно, внутри он ощущал тяжёлое, липкое предчувствие.

Они углубились в лес, когда серый туман ещё не успел рассеяться. Тропа шла меж высоких елей, и шаги тонули в мягком ковре из хвои и прошлогодней листвы. Двенадцать воинов, конунг и рыжая воительница, что шла позади, чтобы не чувствовать взглядов в спину. Хакона Рагнар оставил в Вестфольде, чтобы приглядывал за всем.

Охота могла затянуться. Если им удастся выследить зверей за сегодняшний день, это будет большой удачей.

Высокие ели стояли так густо, что казались стеной. Местами ветви свисали до самой земли, и приходилось нагибаться, раздвигать их, пробираясь сквозь колючую сеть. Птицы почти не пели, лишь воронье карканье раздавалось иногда где-то в вышине. Деревья скрипели, капли падали с игл, и каждый звук заставлял воинов скидывать головы.

Воздух был сырым, он пах мхом и гнилыми листьями. Под ногами хлюпала земля, на которой только-только начал сходить снег, и следы медвежьих лап проступали особенно чёт-

ко — широкие, с когтями, будто вырезанные в грязи. Первым их заметил Эйрик.

Они то уходили вверх по склону, то пропадали в камнях, то снова появлялись у промёрзшего ручья. Отряд Рагнара шёл, карабкаясь по скользким валунам, переправляясь по упавшим стволам, пробираясь сквозь густой можжевельник, коловший руки и щёки.

День тянулся бесконечно. Сырой холод пробирал до костей, сапоги тонули в грязи. Солнце, скрытое облаками, едва пробивалось сквозь серую пелену, и, казалось, будто всё вокруг окрашено в один глухой цвет: серо-зелёный, влажный, холодный.

— Они близко, — сказал в какой-то момент Эйрик, присев на корточки и ткнув пальцем в землю. — Следы свежие, земля ещё не успела подсохнуть.

Но медведи, словно забавляясь, уводили их все дальше. Неужто чуяли погоню?..

Когда сумерки начали сгущаться, а солнце скрылось за верхушками сосен, и лес потемнел, следы оборвались на камнях, по которым звери пробирались к скалам. Дальше идти было опасно: в темноте любой валун мог утащить в пропасть.

— Здесь, — коротко сказал Рагнар. — Ставим костры.

Мужчины быстро разошлись по сторонам, собирая валежник, расчищая место для костра. Искры взлетели в небо, и огонь ожил, прогоняя густые сумерки. Кто-то вытянул из-

за спины мешки с вяленным мясом и лепёшками, кто-то принялся строгать колья, чтобы ночью медведи не застали их врасплох.

Лес шумел, ветер свистел в верхушках деревьев, а в темноте за огненным кругом слышалось тяжёлое, звериное дыхание.

Ярко горел костёр, разгоняя тьму. Воины сидели кругом, грели ладони, передавали друг другу рог со взваром. Дым поднимался к небу, щекотал глаза и застревал в волосах, а огонь плясал на суровых лицах.

— Слыхал я, — загудел Торлейв Рыжебородый, поглаживая огненную бороду, — что иной медведь вовсе и не медведь, а берсерк, которому слишком уж приглянулась шкура зверя. Натянул её и ходит теперь в ней, не смог снять.

— Брехня, — отмахнулся Эйрик Медвежья Лапа, кривя губы. — Берсерки дерутся, рычат, но чтоб зверем стать? Это уж бабы сказки.

— А ты почём знаешь? — сразу же заспорил Торлейв. — Я ещё от отца слыхал про одного воина. Сильный был, никому не уступал. Пока Локи его не одурачил. Обещал силу звериную, и тот согласился. Так с той поры будто в нём две души жили: то человек, то зверь.

— Значит, это не медведи вчера рабов рвали? — с ехидцей заметил Эйрик. — Это сам Локи играет с нами? Ну так я ему покажу, кто кого разорвёт! — он с силой ударил себя кулаком в грудь.

— Тихо ты, — зашикали на него со всех сторон. — Не гневи Богов.

Мужчина, для которого единственным богом была его секира, только крикнул и отмахнулся.

— А вспомните, как прошлой весной охотники целый день бегали за лосем, а к вечеру оказалось, что собственные следы топтали!

Грянул громкий хохот, кто-то хлопнул ладонью по колену.

— Вот и нынче так будет! — фыркнул Торлейв. — Ходим кругами, следы ищем, а завтра проснёмся, и окажется, что гонялись за собственной тенью.

— Не окажется — глухо отозвался Рагнар, подняв голову. Он всё это время молчал. Сидел, упёршись локтями в колени, и смотрел в пляшущие языки пламени.

— Следы настоящие. И зверь настоящий. Мы его найдём.

Воины замолчали. Они верили, что конунг говорит с богами, и если тот сказал, стало быть, знал наверняка.

Сигрид, сидевшая чуть поодаль, прищурилась. Её волосы, собранные в косу, отливались медью в отблесках огня. Она смотрела не на мужчин, а в самую темень леса, словно ждала, что вот-вот оттуда донесётся рык.

— А ты что притихла, рыжая? — загудел Эйрик Медвежья Лапа, поигрывая тяжёлым ножом и хитро щурясь. — Или боишься, что медведь тебя первой сцапает?

После напряжённого дня, проведённого в молчаливом преследовании, ему хотелось поговорить.

Несколько воинов приснули в кулаки, ожидая её ответа.

Сигрид медленно повернула голову, глядя прямо на Эйрика.

— У нас в краях, если воин хочет славы, он идёт на медведя один, — произнесла с ядовитым намёком.

— Один?! Слыхали? Эта девка ещё скажет, что сама справится!

— Я и справлялась, — отрезала Сигрид. — Часто ходила с отцом на охоту.

— Слыхал я, — протянул Торлейв Рыжебородый, — что иной раз медведь женщину берёт в жёны. Уводит в свою берлогу и живёт с ней до конца дней. Может, ты ему приглянешься, рыжая, и охота нам не понадобится!

Полянка вокруг костра утонула в громком, грубом гоготе. Сигрид даже не улыбнулась.

— Тогда медведю стоит пожалеть себя. Женой я ему не стану, а вот шкуру сниму, — серьёзно сказала она.

Воины вновь захохотали, потому что любили хорошую шутку. Даже Рагнар усмехнулся уголком губ, хотя глаз от огня так и не оторвал.

Когда пришла пора ложиться спать, конунг подошёл к Сигрид, начавшей обустривать место для ночлега.

— Ты ляжешь со мной, — сказал Рагнар её спине, и уже через мгновение она резко выпрямилась и круто развернулась.

Её тяжёлая коса непременно хлестнула бы его по лицу, не

подними он руку. Ноздри Сигрид раздулись от гнева, она уже открыла рот, чтобы возразить, но Рагнар заговорил первым.

— Чтобы не сбежала. Постель мне греть не нужно. Или привяжу к дереву. Выбирай.

Договорив, Рагнар ушёл, и потому ответ Сигрид донёсся ему в спину.

— Может, тогда дашь мне нож, конунг? Или мне на медведя идти с пустыми руками?

— Чтобы ты ночью меня прирезала? — хмыкнул он. — Утром посмотрим.

Оставив одного дозорного, воины кучно улеглись, чтобы холод не пробирался под бок. Сигрид опустилась на настил рядом с Рагнаром, решив, что лучше так, чем стучать зубами под деревом. И очень скоро ощутила, как его тяжёлая рука легла поперёк её живота, обхватила крепко, будто она была не женщиной, а мешком с добычей, который следовало удерживать.

Рагнар спал спокойно, его дыхание было ровным и глубоким, но Сигрид знала: стоит ей шевельнуться, как он откроет глаза. От этого знания она не могла сомкнуть век. Лежала неподвижно, глядя в чёрный небосвод, где звёзды медленно скользили над верхушками сосен, и только сильнее чувствовала тяжесть чужой руки, удерживающей её на месте, словно железный обруч.

И потому одной из первых услышала далёкий гул. Это случилось незадолго до рассвета, когда серое небо окраси-

лось в нежные цвета восходящего солнца. Сперва Сигрид подумала, где-то в горах гремит гром, но звук не уходил, как бывает в грозу, он звенел в воздухе. Не выдержав, она резко села, встретившись взглядом с дозорным: тот настороженно смотрел на макушки сосен, за которыми скрывались горы.

Рагнар, почувствовав её движение, ещё во сне сомкнул руку на её локте, но уже через мгновение вскочил, оглядываясь и схватив копьё.

Земля под их ногами задрожала.

— Поднимайтесь! — рявкнул дозорный. — Это камнепад! Поднимайтесь!

Гул усилился, и в следующее мгновение каменная лавина сошла с вершины горы. Она неслась вниз с ужасающей мощностью, ломая стволы сосен, словно щепки.

Отряду Рагнара повезло, что они разбили лагерь у подножья склона на поляне, окружённой густым лесом. Поднимись они немного выше, устройся на ночлег на открытой местности — и рассвет нового дня стал бы для них последним. Но деревья приняли удар на себя и задержали обвал, а потому воины успели вскочить с нагретых подстилок и схватить первое, что попало под руку: оружие, бурдюки с водой, мешочки с вяленным мясом.

А потом поток камней и снега хлынул меж сосен и рассёк лагерь надвое. Рёв камнепада был оглушительным, он перекрывал крики людей и треск ломаемых сосен. С неба сыпались комья снега, с гулом летели вниз валуны величиной с

хижину, сминая всё на пути.

— В лес! — рывкнул Рагнар, перекрывая рёв.

Сигрид отскочила, споткнулась и почти упала, но чья-то железная рука схватила её за плечо и рванула прочь. Рагнар. Они едва успели отбежать, когда на поляну рухнули валуны, перегородив путь и уничтожив остатки лагеря. За каменной стеной остался почти весь отряд, кроме них двоих.

Они бросились прочь от склона. За спиной всё ещё катились камни, сотрясая землю.

Почувствовав тёплую влагу на шее, Рагнар нахмурился и поднёс пальцы к ушам. На них осталась кровь. Он посмотрел на Сигрид и увидел такие же алые полосы и у неё. Грохот был такой силы, что оглушил их, и теперь все звуки доносились сквозь пелену. Он попробовал позвать Эйрика или Торлейва, но не различил даже собственного голоса. Только болезненно поморщился, когда уши отозвались резью.

Сигрид стояла рядом и с оторопью разглядывала кровь на своих пальцах. Рагнар шагнул к ней, жалея, что не захватил верёвку. По крайней мере, успел взять копьё, на поясе висел топор, а в голенище сапога был спрятан нож. Он спал с оружием, и это было сейчас на руку.

Ведь они оказались посреди бескрайнего леса, отрезанные от его отряда, да к тому же и глухие. Он проследил, как Сигрид открыла рот, что-то сказала, а до него донеслось лишь невнятное мычание. Жестом он указал ей в сторону поляны, где был разбит лагерь. Спасаясь от каменных глыб и снега,

они некоторое время петляли по лесу, но он знал, куда идти. Его отряд должен будет вернуться туда же.

Сигрид, помедлив, кивнула. Может, не так уж худо, что они ничего не слышали нынче? Всё споров будет меньше...

Рагнар подошёл к ней и крепко взял за запястье, а потом повёл за собой. Сигрид попыталась вырваться, но проще было сдвинуть с места гору. Конунг держал крепко и не соби-рался отпускать. Они должны идти вместе, чтобы не поте-рять друг друга. С лихвой хватало того, что вдвоём лиши-лись слуха. Теперь, если кто окажется у них за спиной, они и не узнают, пока не станет поздно.

Вскоре попытки вырваться Сигрид оставила и покорно пошла за Рагнаром. Конунг то и дело оборачивался, но и за ними, и перед ними простирался глухой, безмолвный лес. Он чувствовал себя неуютно, ничего не слыша. Это раздра-жало, он привык полагаться на свои уши и умел различать мельчайшие шорохи и скрипы.

Он шагал, продираясь сквозь бурелом, сугробы и пере-плетение корней. Здесь в лесной чаще и вдали от исхожен-ных людьми или зверьём троп, весна словно и не наступила, снега было по колено, а порой и по пояс. На пути им встре-чались и сломанные деревья, и камни, которые приходилось обходить.

Вскоре они ненадолго остановились, и он почувствовал, как Сигрид постучала по плечу. Когда он обернулся, она ука-зала на его сапог, а затем изобразила руками лезвие. Выгля-

дела воительница запыхавшейся, да и дышала тяжело. Сказывались проведённые взаперти дни.

Рагнар вытащил нож из голенища и протянул его рыжей рукоятью вперёд. Впрочем, он был готов, что она всадит лезвие по эту самую рукоять в его брюхо. Но Сигрид взяла нож и заправила в собственный сапог, а заодно и набившийся из него снег выгребла.

Рыжая воительница не была душой. И это наряду со всем остальным усложняло конунгу жизнь.

Они брели уже несколько часов, если судить по солнцу, когда Рагнару показалось, что он заново стал различать звуки. Правда, слышал он по-прежнему с болью, уши словно изнутри шипастой дубиной разрывало. Он повернулся и посмотрел на Сигрид: у неё было такое сосредоточенное, настороженное лицо, и она явно изо всех сил прислушивалась.

Хорошо. Значит, вскоре они перестанут быть настолько лёгкой добычей.

Он не сделал и десятка шагов, когда осязаемый тычок в плечо заставил его замереть и вновь повернуться. Сигрид, вскинув голову, резко и быстро втягивала носом воздух, словно принюхивалась. Вдруг её глаза расширились, а тело непроизвольно дёрнулось, и она что-то шепнула, и Рагнар скорее догадался, чем услышал или понял по губам.

— Медведь.

Он сделал глубокий вдох, втянул столько воздуха, что в груди стало тесно. И почуял едва уловимый запах мокрой

шерсти. И крови.

— Идём, — прохрипел кое-как Рагнар и перехватил копьё. Второй рукой любовно огладил топорик на поясе, а затем вновь схватил Сигрид за запястье.

И на сей раз она и не помыслила вырываться.

Они пошли дальше осторожно, и вскоре на снегу проступили свежие следы: огромные отпечатки лап. Кажется, камнепад заставил медведей покинуть своё укрытие и вновь спуститься в долину. Но он же их и разделил, потому как отметины принадлежали лишь одному зверю.

— Он рядом... — с болезненной гримасой прошептала Сигрид.

И в тот миг воздух прорезал хриплый рёв, который они слышали несмотря на глухоту. Из-за елей вывалился огромный бурый медведь. Шерсть его свалялась, из распахнутой пасти капала слюна, а маленькие глазки сверкали безумием. Может, он не был бешеным, но и в разуме тоже не был.

Рагнар хорошо знал лесных зверей и их повадки, отец брал его на охоту ещё мальчишкой. Обычно на людей медведи не набрасывались, только если самка защищала детёнышей.

Впору было поверить в берсерка.

Всё это пронеслось у конунга в голове за один миг, пока медведь стремительно нёсся на них. Рагнар рванул Сигрид в сторону, вытолкнув перед собой.

— Лезь на дерево! — крикнул он.

А сам снял с пояса топор, в другой руке стиснул копьё и повернулся к хищнику. Тот был огромен. А ещё зол и голоден после долгой спячки.

Медведь бросился на Рагнара и рассёк воздух лапой совсем близко к лицу мужчины. Удар был такой силы, что если бы задел, от него остались бы лишь ошмётки. Конунг резко ушёл вбок и всадил остриё копья в грудь зверю, но тот, рвя, навалился всем весом и переломил древко, словно сухую ветку. Толкнув всей тушей, он отбросил Рагнара в дерево.

Из конунга вышибло весь дух, когда он приложился хребтом о сосну. Он упал, и снег хрустнул под ним, но тут же вскочил, сжав топор. А медведь уже бежал к Сигрид, которая, вопреки словам конунга, не полезла на дерево.

Обнажив нож, она встретила хищника, как подобало валькирии и воительнице — с оружием в руке. И даже успела ударить, но зверь легко подцепил её лапой и потянул на землю. Он словно играл с ней, как кот играет с мышью, потому что позволил Сигрид встать, замахнуться ножом второй раз и лишь затем страшно, наотмашь ударил лапой, и огромные когти полоснули по груди, прорвав одежду.

Хлынула кровь, опьянившая зверя ещё сильнее. Сигрид вскрикнула и рухнула там, где стояла, из последних сил перекатившись, чтобы уйти от второго замаха.

Стоя на коленях, Рагнар метнул топор, и тот угодил медведю пониже шеи. Страшно взревев, хищник повернулся и пошёл на него. Тяжёлый, стремительный, с бешеным огнём

в глазах.

Подобрав палку, конунг с трудом поднялся и ударил в оставленную копьём рану, но это не остановило зверя. Ответный замах вновь едва не сшиб Рагнара с ног, но он успел упасть ничком на землю и быстро пополз к Сигрид. Где-то там в снегу валялся нож.

Медведь громко зарычал, и его пасть раскрылась, обнажив жёлтые клыки.

Но конунг успел к ножу первым. Он подхватил его и поднялся, встал между зверем и Сигрид. Они кружили друг против друга: хищник и человек. Улучив момент, Рагнар ударил под брюхо. Лезвие вошло в плоть по рукоять. Медведь взревел так, что задрожал воздух. Он встал на задние лапы и обрушился на конунга всем телом. Тот рухнул в снег, его придавила огромная туша. Зверь ревел прямо над ним, когти тянулись к глазам.

Рагнар ударял ножом снова и снова. Тёплая кровь брызнула на лицо, но он продолжал бить, пока медведь не затрясся в судорогах и не издал последний рык, навечно замолчав. Тогда конунг выкатился из-под него и, пошатываясь, поднялся. Руки дрожали, грудь ходила ходуном, каждая мышца ныла от напряжения. Он стоял над поверженным зверем, залитый кровью, сжимал нож и смотрел на неподвижную тушу, всё ещё не веря, что она не поднимется снова.

Сквозь пелену усталости до него донёсся стон Сигрид. Она лежала на снегу, привалившись спиной к дереву, и дер-

жала на груди руку, а всё вокруг было залито её кровью.

Рагнар пошёл к ней, почти не чувствуя ног, и упал на колени рядом. Сигрид смотрела на него широко распахнутыми глазами. Отведя её руку, он увидел, что когти продрали насквозь и куртку, и рубаху, и оставили на груди глубокие рваные полосы. Её белоснежная, мягкая кожа ослепила конунга, и у него перехватило дыхание. И Рагнар застыл: перед ним лежала не только раненая воительница, но женщина. Грудь её неровно вздымалась, и на миг он забыл обо всём: о боли, о медведе, о проклятом камнепаде. Он смотрел, и в глазах его полыхнуло желание, дикое и жгучее, сродни тому, что он испытывал в бою.

В следующий миг конунг резко втянул в себя воздух, будто спохватился, и отвёл взгляд. Он стащил с воительницы то, что осталось от куртки, и задрал её рубаху. Сигрид даже не сопротивлялась, только смотрела на него горячим, как угли, взглядом и слабо стонала.

Потянувшись к небольшому мешку, который он всегда носил на поясе, Рагнар вытащил из него жгут из чистых повязок. Размотав, он сел на снег сам и подтянул Сигрид на себя, спиной прислонив к груди, и принялся туго перевязывать страшные следы медвежьих когтей.

Воительница мелко-мелко тряслась в его руках, и он чувствовал на ладонях её тёплую кровь. Закончив, Рагнар натянул на Сигрид остатки рубахи и куртки и, подумав, скинул свою и укутал её в неё, словно в кокон.

— Конунг... — позвала она, когда он встал и отступил на шаг.

Он посмотрел на неё: бледная до синевы, белее снега, на котором лежала, Сигрид смотрела ему прямо в глаза, а казалось, что в душу.

— Я... умру... — прохрипела она, и из уголка губ стекла тонкая струйка крови.

— Погоди умирать, валькирия, — таким же сорванным, глухим голосом отозвался Рагнар. — С такой грудью негоже... Сначала замуж надо.

Она дёрнулась, и он сперва подумал, что её скрутил кашель. Но уже в следующее мгновение понял: Сигрид смеётся. Хрипло, надсадно, но смеётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.